

Ирина Ярич

Шелест ветра перемен

Ирина Ярич

Шелест ветра перемен

«Издательские решения»

Ярич И.

Шелест ветра перемен / И. Ярич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853406-5

Последняя четверть X века — это время перемен на Руси, но не только. Византия вынуждена считаться с новыми братьями во Христе. Печенеги, подстрекаемые византийцами, гибнут тысячами в набегах на славянские земли. По велению князя Владимира дружинники собирают воинов из разных славянских племён для обороны дальних рубежей. Трудно отринуть старое, привычное, идущее из века в век. Несогласная с великокняжеским повелением семья бежит, чтобы сохранить веру предков. Но разве от судьбы уйдёшь?

ISBN 978-5-44-853406-5

© Ярич И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Книга первая. В полуденную сторону ¹	7
Часть первая. Бегство	7
I	7
II	9
III	12
IV	14
V	17
VI	18
VII	19
Часть вторая. Плата	21
I	21
II	21
III	23
IV	25
V	30
VI	32
Часть третья. Дорога	37
I	37
II	39
III	43
IV	46
V	47
VI	50
VII	52
VIII	53
IX	54
X	55
XI	56
Часть четвёртая. Ратные дела	60
I	60
II	61
III	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Шелест ветра перемен

Ирина Ярич

Иллюстратор Алексей Хрящёв

© Ирина Ярич, 2017

© Алексей Хрящёв, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3406-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

К концу X века основное население Древней Руси поклонялось божествам природы и предкам. Принятие Великим князем Владимиром христианства было вызвано, скорее всего, внешнеполитическими причинами. Возможно, в то время христианство выглядело более цивилизованно и прогрессивно, говоря современным языком. И, князь Владимир хотел быть наравне с сильными христианскими правителями и, возможно, считал себя равным побороться с Византией, которая пренебрежительно относилась к язычникам.

Несмотря на то, что в Киеве и в Новгороде к концу X века жили христиане и уже существовали христианские церкви и храмы, большинство же чтит веру предков и новая вера им была не нужна. Но коли князь поменял веру, его народ должен быть с ним одной веры.

Книга первая. В полуденную сторону¹

Часть первая. Бегство

I

До поздних сумерек шли сборы, старались не шуметь, чтобы не привлечь внимание общинников. Предполагали, что уходят навсегда.

Ночь безлунная и тёмная. Моросило. Капли дождя настолько малы, что казалось, они не падают, а висят в воздухе, да и сам воздух уже влага, оставляющая свои мокрые следы на одежде, лице, руках, и оседающая покровом из мизерных капелек на шерстинках скотины. Понукая лошадь, Собимысл почти ничего не видел, правил по памяти к лесу. Собимыслу шёл сорок третий год, а он уже шесть лет, как дед. Возле него под куском рогожи, свернувшись калачиком и, положив голову на колени сорокалетней бабушке Мирославы, и обхватив за шею дремавшую беременную кошку Полосатку, спала внучка Ягода. Рядом с телегой, которая почти бесшумно катилась из-за густо смазанных березовым дёгтем колес, и лишь вздрагивала и подпрыгивала на камешках и неровностях дороги, шла Благуша, юная мама Ягодки, она изредка придерживала большой плетёный из бересты короб, откуда доносилось паническое кудахтанье слепых в ночи кур, побряхтывание уток и горловые вздохи гусей. Позади телеги плелись, спотыкаясь, привязанные верёвками за жердь телеги овцы, козы, две свиньи и корова. Их слегка подгонял хворостиной Ждан, рослый парень, двадцати четырёх-летний сын Собимысла и Мирославы.

Накануне отец и сын возили двухмесячных поросят на торг в Новгород. Там подтвердились те слухи, которые слабым эхом доходили до их деревушки. Жители всех сословий и торговые гости озабоченно обсуждали, что в стольном Киеве старую веру рушат. Многие не верили даже очевидцам, но те доказывали, что именно по велению Великого князя рубят идолов, сжигают капища.

– Не может Великий князь на месте святых мест и роц строить дома для грецкого Бога, – кричали одни.

– Воеводы с дружинниками идут уж к Новгороду, дабы указать: мы и предки наши поклонялись ложным богам, а есть истинный Бог, и кто в него уверует, тот обрящет жизнь вечную, тот спасётся, – говорил купец, несколько дней назад как воротившийся из Киева.

– Ложным богам! – выкрикнул побледневший Собимысл. – Наши боги проявление того, щё нас окружает, память и честь предкам! Разве ж может быти ешо истиннее?!

– Верно! – подхватили голоса из толпы.

– Ежели все станут жить вечно, куды стольких людей девать, жита не напасёшься, – крикнул улыбчивый парень.

– Так жить вечно на том свете, когда помрём, – пояснил тот же купец.

– О-о-о! Акы! – протянули разочарованно мужчины и женщины.

– Ежели тамо девки да молодые жёны будут, то я не против жить вечно, – усмехаясь в русые усы, прокричал весельчак, и парни в толпе захихикали соглашаясь.

– Цыц, зелень! Тут о сурьёзном, а ты зубы скалишь, – возмутился русо-седой, аж поседевший, но ещё крепкий старик.

¹ в полуденную сторону – на юг

– А я не хочу поклоняться новому богу. Разве ж можно веру предков кидать, акы рваные рукавицы, – возмутился закопчённый кузнец, и многие его поддержали.

– Ни тебя, и никого и не спросят, хочешь ты, аль нет. Думаете, в Киеве у кого спрашивали? – обратился к окружающим другой очевидец. – Думаете, дружинники едут нам пироги да медовые пряники раздавать?

– Коли тако, встретим их с тем, шо под руку попадёт, – выкрикнули из толпы.

– С рогатиной супротив меча?! Сила на стороне Великого князя, – произнёс грустно купец.

Говорили и спорили долго, торг шумел. Насилу удалось Собимыслу сторговать поросят, а Ждану прикупить куль соли и льна на порты и рубахи.

После всех этих разговоров стало как-то нехорошо Собимыслу, тяжело, будто груз невидимый грудь давит, аж дышать немоготу. Знал, чует беда придёт.

– Тять, не уж правду сказывают? Неужто такое могёт случиться?

– Бывает люди привирают... и всё ж прислушаться стоит, да покумекать, акы нам быть. Останемся ещё на денёк, послушаем, посмотрим... На душе у меня муторно.

Ждану была известна эта особенность отца, чуют беду. Знал также, что ни за что ни он, ни Благуша, а уж тем более отец с матерью не откажутся от веры предков, и понял, что настало для них лихолетье.

Опять не только на торгу, но и на каждой улочке, в каждом переулке спорили, шумели, возмущались. Те, кто уже принял христианство тоже собирались кучками, среди них находились смельчаки сказать своё слово против большинства. Они искренне пытались открыть «слепцам», как они говорили глаза на истинного Создателя и Спасителя, но осмеянные и обруганные были побиты. Остальные притихшие стали хорониться по своим домам. И вдруг, словно вихрь урагана примчал молву: «Едут! Едут из Киева! Дружинники с воеводой!» И этот же вихрь нагнал и страх и надежду, авось обойдётся.

– Тять, едем навстречу дружине киевской, да спросим у них, – Ждан с безрассудностью юности рвался не только повидать, но и поговорить с отважными дружинниками князя, а потом похвастаться перед общинниками.

– Сынок, не стоит дразнить медведя. Сбираемся, да выедем из города и тамо обождём. Зачем лезть на рожон? Коли мы с тобой сгинем, кто ж оборонит наших жён, кто озаботится о них?

– И то верно, батя.

Они переехали через Волхов по недавно отремонтированному мосту, который пах сосной и расположились на ночлег в прибрежной рощице. Распрягли лошадь, пустили поблизости пастись, связав её передние ноги. Ждан спустился к реке с котелком зачерпнуть воды и, надеясь наловить раков. Он стал молиться духу реки и просить от неё дара – раков. Собимысл собирал хворост для костра, чтобы сварить полбенную кашу.

Птицы пели редко, они уже вырастили своё потомство, которое должно учиться жить самостоятельно. С этим, видимо, не согласен воронёнок. Он истошно каркал и плёлся за своей мамашей, которая, не обращая внимания на него, важно шагала, что-то выискивая в траве. Воронёнок оглушительно выпрашивал у неё еду, растопырив крылья и беспомощно ими трепыхая. Родительнице надоело притворство повзрослевшего, но ленивого отрока, она взмыла ввысь и затерялась меж берёзовых и ясеневых ветвей. А воронёнок последовал вдогонку.

Собимысл и Ждан поели каши и вареных раков, которых Ждан поймал возле валуна, что торчал из воды, будто лысый череп затонувшего загадочного зверя, и улеглись на телеге. С луговины доносился стрёкот кузнечиков, который в вечерней тишине казался очень громким. Над отцом и сыном раскинулись просвечивающиеся бирюзой крылья румяных пери-

стых облаков. С каждым мигмом они всё более розовели, и чуть погода уже горели малиновым светом на бледной голубизне.

– Бать, я завтра схожу, проведу шо, да акы тамо, – кивнул в сторону Новгорода Ждан.

– Завтра сходим вместе... Утро вечера мудренее. Спи. Рано не подымайся. Любопытно как в Новгороде, но надобно выждать.

Уже давно храп Ждана растворялся в ночном мраке, а Собимысл всё смотрел на бесконечно далёкие мигающие звёзды и думал.

Утром они не торопились вставать. Дали подольше отдохнуть лошади и себе. Потягиваясь, Ждан привстал. Над берегом плыла белесая полупрозрачная пелена.

– Фу, туман, – сказал Ждан проснувшемуся отцу.

– Дым, – возразил Собимысл.

Ждан принялся и согласился с отцом. И оба не сговариваясь, посмотрели в сторону Новгорода. Оттуда из-за садов и крыш клубясь, тянулись струи чёрного и серого дыма, которые растворялись в бледно-голубой вышине, а белёсый стелился над землёй, обволакивая окрестности.

– Верно худые тамо дела, – просочились слова из бледных уст Собимысла. Он словно окаменел и в ужасе глядел на дым. То вера его предков таяла в воздухе.

II

Обратно ехали молча долго. Каждый думал, что делать дальше. Ждану было не по себе, он никогда не видел отца таким, и даже оробел, как в детстве, когда видел строгий взгляд отцовских глаз, слышал его властный тон, которым тот отчитывал его за проказы или что-то доказывал на сходе общины. И всё же теперь было другое, вместе с суровостью почти на непроницаемом лице Собимысла сын замечал отчаяние человека, у которого отняли самое важное для него, без чего жизнь его не имела смысла. Ждану очень хотелось, чтобы отец хоть что-нибудь сказал, потому что у него самого на душе было так паршиво, хоть плач, как маленькому, но это ведь не поможет, не избавит от неизбывного. Ждан не решался заговорить с отцом, лишь изредка бросал на него, как бы невзначай, взгляды, пытаясь угадать его думы.

Небо, безоблачное и бледное утром, к полудню сочно-голубое, наполнилось стадом кудрявых облачков, которые словно дремали на невидимых полках. Северный ветер выдохнул прохладу и рассеял жару и без того уже не частую в августе. Свежесть придала бодрости лошадке и та живее покатила телегу по проторенной дороге, высланной подорожником. «Его бьют ногой, его бьют колесом, да копытом, а ему всё нипочём», – говорит народ о нём. Вокруг тянется обширный луг с высокими травами. Колышатся упругие стебли цикория, на некоторых из них голубеют запоздалые цветки. Аромат лугового разнотравья перекрывает терпкий запах, исходивший от жёлтых соцветий пижмы, когда та под очередным натиском ветра склоняется на своих жестких и длинных стеблях. Мягкой волной пригибаются тонкие листья и изящно-лёгкие с фиолетово-черным отливом колоски щучки, стебельки трясушки и пырея, зеленовато-фиолетовые метёлки вейника, светло-зелёные хвостики с жёлтыми пыльникам лисохвоста, ярко-зелёные цилиндрики с фиолетовыми пыльниками тимфеевки, крупные метелки костра, отсвечивающие в лучах солнца красноватым светом, длинные колоски овсяницы, тонкие и нежные стебельки мятлика и душистого колоска, который придаёт лугу его удивительный аромат. Среди них пестреют лилово-красные цветки клевера, синие и фиолетовые колокольчики, жёлтые и белые веточки донника, тёмно-розовые звёздочки гвоздики, лилово-пурпурные цветущие и увядшие коричнево-серебристые васильки. Над лугом нависли разбухающие облака, которые наливаются синевой. Ветер дует всё сильнее.

– На, правь ты, – подал Собимысл кнут и вожжи сыну. Взглянув на отца, Ждан заметил в нём перемену. Уже не было в глазах той безысходной тоски, от которой и ему было тягостно. То ли надежда, то ли забота необходимая оживила лицо отца, и Ждан решился спросить:

– Батяня, надумал чего, аль нет?

– Думай, не думай, а еси два пути: княжескую волю исполнять или старую веру хранить. Ты примешь грецкого бога?

– Нет, батя, не могу.

– Так ведь убьют, видел, в Новгороде сколь мертвецов!

– Что ж, батяня, выходит приготовимся помирать.

– Помереть очень даже легко и просто, а вот живым остаться – вот задача. А наша Ягодка? Света ещё не познала, мала совсем, и её в сыру землю по нашей охоте?

– Не по охоте, а по нужде.

– Ох, Жданушка акы мы с матерью радовались твоему рождению, акы любовно следили, ак малое неразумное дитя становится здоровеньким мальчуганом, смышлённым отроком, благоразумным мужем. Обрадели, щё суженная по сердцу тебе, и щё ты продолжишь наш род. Вот и явилась Ягодка – утеха нашей старости, надеялись, будут ещё у вас детки... И, что же теперя всем смерть? А кто ж тогда веру нашу сохранит, скажи Жданушка?

И опять они молча ехали. И вдруг Ждан воскликнул:

– Эх, батя, кабы не дом, не хозяйство, да жена с дочкой убёг бы. Потом тайно вызнал, кто стоит твёрдо за старое, собрал бы ватагу и пошли бы мы бить княжеских дружинников.

– О, хватил! Вроде медавухи не пил, а завираешься, да бахвалишься. Смерд дружиннику не ровня, не одолеет. А уходить надобно, тут ты прав. Но уходить всей семьёй вместе.

– А, дом и хозяйство бросать?

– Всё, що смогём увезти заберём с собой. А дом? Коли не примем княжеску волю, и так сожгут, ты сам видел, как полыхали дома в Новгороде.

– А уходить то куды? К меря иль к чуди?

– В лес глухой, поселимся хутором, а тамо видно будет.

– Акы тять, мыслишь, надобно в общине сказывать про дела новгородские?

– Общинникам сообщим, но що сами уйдём ни гу-гу, аще каждый сам решает. К тому ж такую ораву быстро дружинники разыщут, не они, так соглядатаи найдутся. Да и еси у нас люди не твёрдой веры и те, что по привычке обряды блюдут.

– Но большинство предано веруют.

– И всё ж надобно уйди самим. Схоронимся в чаще лесной, подальше от нашей деревни. Тропинку проторем в селе каком, и будем навевываться изредка на торг, и выведывать що да ак. Вот ежели много народа в лес подастся, то за ними и княжеские слуги попрут... Надобно поторапливаться, гроза собирается.

Ждан понадал лошадке, и та резвее засеменила копытами. Глыбы больших свинцово-голубоватых туч напоззали друг на друга, ветер чуть не срывал шапки, завывал в ушах.

Завидев издали телегу, Благуша предупредила свекровь и дочь, и все они выскочили встречать.

Подъезжая к дому, Собимысл тихо сказал сыну:

– Ни матери, ни жёне не говори, на сходе услышат. Уходить надобно скоро, хорошо б сегодня в ночь. Ты Жданушка, пока распряги, аще Краюха малость отдохнёт, – кивнул он на лошадь. Краюхой её прозвали потому что, будучи жеребёнком, она частенько выпрашивала хлебец, который давала мать маленькому Ждану, когда тот играл на дворе.

По печально-озабоченным лицам подъехавших мужчин женщины поняли, что-то неблагополучно, но спрашивать не спешили, ждали, ведь всё рано те сами расскажут, поде-

лется заботой, коли будет необходимость, а, пока смиряя любопытство, бросились помогать разгружать телегу. Их остановил Собимысл, отдавая гостинцы:

– Вот возьмите. Благуша, дочь, беги к народу, созывай на сход, а ты, мать приготовь трапезничать.

– Давно дожидается варево и каша, – ответила Мирослава.

– Тогда помоги Ждану распрячь, да бери Ягодку, и на сход, а я вас догоню, – сказал Собимысл отстраняя внучку, которая крутилась возле него и отца и заглядывала в телегу. Пузатая Полосатка задрал лукавую мордашку, всматривалась в глаза хозяев и радостно мяукала, подняв длинный хвост, тёрлась о ноги.

Собимысл пошёл обходить своё хозяйство, ещё на обратном пути он обдумывал и советовался с сыном, что им необходимо забрать, и теперь присматривал, без чего они обойдутся, всего же не увезти.

Вернулась раскрасневшаяся Благуша.

– Ух, батя, всё селище обежала, люди спрашивали, по какому случаю сход, а мне и сказать нечего, – выдохнула слова невестка.

– Знать много – радости мало, – изрёк свёкор, выходя из сарая.

Под навесом общинного тока Собимысл и Ждан поведали односельчанам о том, что слышали, а потом сами видели в Великом Новгороде.

Слухам не хотелось верить, казалось, не может того быть, а вот теперь очевидцы рассказывают. Собимысла и Ждана люди знали с малолетства, и нет причин им не доверять. А коли, правда в их рассказах, то как же жить дальше? С отчаянием и страхом смотрели односельчане на подавленных общей бедой, но твёрдых в неведомой им решимости отца и сына. Женщины плакали, дети, глядя на них, всхлипывали. Ужас был в глазах у Мирославы и Благуши.

– Каждый пускай сам решает хранить ему веру предков или принять княжеску волю и поклоняться грецкому богу, – в заключении сказал Собимысл.

– А ты то, шо сам решил? – крикнули ему из толпы.

Собимысл взглянул на грязно-серое небо, затянутое тучами, на всполохи зарниц у горизонта, подумал: «Вечереет, надо собираться». А вслух сказал:

– Идёт гроза... Ночь приближается – время поразмыслить, а день придёт – заботу принесёт, – уклончиво ответил он.

– Утро вечера мудренее, – подхватил кто-то.

На сходе нарастал гул, начался обмен мнениями попеременно с бранью и женскими воплями. К Собимыслу и Ждану начали приставать с расспросами, но они отказались говорить, мол, всё что знали, рассказали и к тому же тяжело на душе, да и стоят перед глазами зарубленные люди и пламя, пожирающее нажитое добро, а в ушах – ужасные крики отчаяния и боли. Они ушли со схода, когда ещё там гудела толпа.

Домой возвращались молча. Мирослава и Благуша едва сдерживали себя, чтобы не рыдать. Ягодка испуганно поглядывала на взрослых. Мирослава потерянно произнесла:

– Как ж теперь жить?

– Како и ране, – брякнул Ждан, не подумав.

– Как ране уже не будет, – возразил ему отец.

Когда вернулись, Мирослава бросилась к почти остывшей печке, схватила ещё тёплый чугунок, поставила на стол, говоря:

– Губное² варево с зельем. Благуша с Ягодкой собирали, – кусочки грибов плавали в густом бульоне вместе с маленькими веточками укропа. – В печи гороховая каша, – доба-

² губы (дренерусс.) – общее название всех грибов в Древней Руси.

вила Мирослава, а голос её дрожал от волнения. И тут она не утерпела, разрыдалась. Заплакала и Благуша, а глядя на них, и Ягодка.

– Вот, что Мирославушка, слезами беды не смыть. Ты не киснь, а ешь, силы ешо понадобятся. Потрапезничаем и начнем собираться, уйдём отсель до света, навсегда уйдём.

Женщины ещё больше разревелись. Потом стали расспрашивать мужчин, что те надумали.

Наружи грохотала и искрилась гроза. Вечернюю синеву пронзали, извивы молний, которые отражались огненными всполохами в слюдяных оконцах.

III

Небо серело, и ночной мрак рассеивался. Собимысл пристально вглядывался в сумрак и уверенно правил на взгорье, где большим языком чернел лес. Мирослава кутала дремавшую Ягодку, озябшую от сырости, утирала рукавом рубахи бежавшие ручейки на своём распухшем от слёз лице. Шедшая рядом с телегой Благуша, потихоньку всхлипывала. Ждан перенёс свою злость на ни в чём не повинную скотину и стегал, когда кто-то из живности отставал или пытался уйти в сторону.

Наконец грязный полог туч разорвался и стал медленно съёживаться, проглянул растущий кусок бледной голубизны. Собимысл хлестал Краюху, спешил к лесу. Несмотря на исчезающие тучи, дождик крохотными капельками наполнял воздух. Справа над лугом молочный туман стал розоветь.

До первых берёзок и ёлок осталось несколько шагов, за которыми проглядывали в лесном полумраке тьма стволов, но Собимысл не направил в их глубь, а повернул направо, и поехал между лесом и лугом, всё дальше от родимого крова.

Глаза Полосатки сверкнули искорками от солнечных лучей, она широко зевнула и сладко потянулась. Затем важно села, деловито посматривая по сторонам. Лесная обочина заворачивала влево, и Собимысл остановил движение, чтобы, быть может, в последний раз взглянуть на родную деревню. Все обернулись. Далеко в низине жались в кучку игрушечные домики, над некоторыми ввысь змеились тонюсенькие струйки дыма. Над ними на фоне

тающих сизоватых клочков раскинулась нежно-пёстрая дуга, вонзившая оба конца в землю. Деревня, словно лежала на зелёной ладошке под цветной полукруглой рамочкой. А на душе у

беженцев так тоскливо, хоть волком вой.

Глядя на родимую сторонку глаза взрослых увлажнились, а Ягодка продолжала спать под рогожкой, возле неё пригрелась Полосатка, которая с любопытством взидала вокруг. Поглядели, поклонились до земли родному дому прощаясь, и со вздохами и охами двинулись дальше.

Справа золотились луговые колоски среди густой зелени трав, слева за бурыми стволами елей и бело-серыми берёз темнел лес. После того как въехали на взгорок, земля снова пошла под уклон, а вдали опять поднималась под синим лесом. Собимысл правил туда.

Белолобая стала чаще мычать, пришлось остановиться, чтобы её подоить. Пока возле неё хлопотали Мирослава и Благуша, одна доили, а другая кормила, Ждан бросил свиньям несколько горстей желудей, а козам и овцам сорвал охалку сочной травы, Собимысл покормил лошадь овсом, насыпал проса курам и уткам, ячменя гусям.

Из липовой кадки от молока шёл пар, Мирослава зачерпывала глиняными мисками и раздавала. Благуша разломала ржаной хлеб на несколько краях. Ягодку будить не стали, отлили её долю в глиняный горшок, закрыли берестяной крышкой и привязали на телеге, завернули в тряпицу хлеб. Полосатка, учуя приятные запахи, вытянулась и жалобно замыкала. Угостили и её. Сами ели молча.

Слева лес тянулся широкой бесконечной полосой, вдали, на горизонте сквозь голубоватое марево он поднимался к небу и растворялся в белёсой облачной пелене.

И снова они едут, едут вниз, и опять вверх пока не поднялись на следующий пологий холм, тогда Собимысл направил лошадь в просвет между деревьями. Ехать стало трудно, приходилось лавировать между стволами и густыми кустами, объезжать разросшийся подлесок. Скотина путалась, визжала, кряхтела. Но вот поваленные деревья преградили путь. Пришлось поворачивать и искать подходящий проход. Кое-как медленно продвигались вглубь. Тем не менее, беглецов уже окружали со всех сторон высоченные стволы и густые ветви. И они решил остановиться, оглядеться и дать отдохнуть и себе и скотине, которая волочилась за ними.

Когда смолк хруст веток, непрерывно раздававшийся из-под ног, копыт и колёс телеги, донеслось слабое бульканье.

– Надесь ручей, – сказал Ждан, прислушиваясь. – Пойду, гляну, – и он отправился на лёгкий шумок, похожий на звук бегущей воды.

Скоро, за кустами малины он увидел быстрый ручей, прорывший своим упорным бегом рыхлую лесную почву. Солнечные лучики, пронзив крону деревьев падали радужными бликами сквозь прозрачную воду на округлые камешки и волнистый песок. Водоросли, извиваясь, качались и, словно протягивали свои тонкие и длинные руки в мольбе, но вода, вырвавшись из подземных глубин, мчалась ничего не замечая всё дальше и дальше. Ждан приник к просвечивающимся мелким волнам. «Ух, холодна водица, да вкусна!»

Тем временем Собимысл выбирал место повыше и посуше для нового местообитания. Женщины вместе с девочкой принялись собирать грибы, которых вокруг было полно.

Вернулся Ждан, рассказал о роднике и Собимысл погнал скотину на водопой. Ждан после того как из телеги выпряг лошадь, повёл её следом за отцом, прихватив липовую кадку для воды, предварительно высыпав из неё брюкву.

Мирослава, увидев возвращающихся мужчин, послала Благушу к ручью помыть грибы, а сама вместе с внучкой начала собирать хворост для костра.

Ждан занялся кормёжкой скотины. Собимысл разжигая костёр, молился Сварогу и, будто от огненного дыхания бога вспыхнули языки пламени, которые тянулись к котелку с родниковой водой. Надо было нарубить веток, чтобы огородить небольшой закут для птицы и загон для скота. Собимысл подходил к деревьям и кустам просил прощения, что вынужден сделать им больно, просил помочь сберечь птицу и скотину и этим принести жертву скотью богу. Каждый взмах топора отсекал ветви, которые подставляли деревья и кусты в ответ на мольбы Собимысла.

Мирослава пошла кормить кур и уток, Ягодка ей помогала. Пришла Благуша, порезала грибы, бросила их в котелок, добавила немного пшеницы и позвала Ягодку приглядеть за варевом, а сама присоединилась к Мирославе, которая уже оплетала ветками закуток. Собимысл всё рубил и рубил толстые и тонкие ветви для кольев и плетня. Ждан вбивал колья под загон для скота, разделив его на две части – одну для коз и овец, а другую для свиней.

Мирослава и Благуша перетащили кур, уток и гусей в приготовленный для них закут, бросили им проса и ячменя. Птицы, утомлённые теснотой, встряхивались, махали и хлопали крыльями, потягиваясь и вытягивая шеи. Радостно бросились клевать зерно и копать в земле. А женщины принялись за загон для скота. Когда и он был готов, туда погнали скотину, которая устала от долгой дороги и разлеглась, подрёмывая под деревьями. Разбуженные, они нехотя поплелись, но когда за ними закрыли плетень, то овцы и козы тут же стали щипать траву и срывать листья с веток, а свиньи ковырять землю и валяться, похрюкивая от удовольствия.

Ждан и Собимысл кормили Белолобую и Краюху. Благуша налила воду в корытце, высыпала несколько горстей муки, размешала, сорвала травы, порезала её мелко и добавила

в корытце, после чего отнесла его свиньям. Потом пошла доить корову. Мирослава пришла на помощь Ягодке, подлила воды в загустевшее варево и посолила его, нарезала несколько реп и положила их дольки на угли печься.

Золотистое солнце тянулось вниз. Беглецам пришлось усиленно трудиться весь вечер. Но сколько работы им предстояло ещё сделать!

Изрядно проголодавшаяся семья черпала ароматную похлёбку, мелькали деревянные ложки. Ждан и Собимысл решили после еды вырыть яму, чтобы положить туда мешки и коробка с продуктами и освободить телегу. Они, обжигаясь, откусывали горячие кусочки печеной репы, надо было спешить пока не наступила темнота.

– Зарев³ на исходе, лист желтеет, скоро ночные заморозки, а следом холода, – озабоченно сказала Мирослава.

– Мыслью рыть землянку тамо, – указал Собимысл на большой просвет заросший мелкими ёлочками между двумя старыми берёзами с толстой и потрескавшейся серой корой. – Опосля баньку, да зимний хлев для скотины. Будем живы, как стоит снег срубим дом.

Полосатка обходила новые владения. Подкрадывалась, прислушивалась, охотилась за кем-то невидимым. Потом играла с пойманной мышью..., и хрустели косточки добычи. Затем снова кого-то выслеживала.

Мирослава шептала молитвы духам деревьев, просила дать им веток и извинялась за боль, которую причинят им. Собимысл молил Мать-сыру-землю упрятать съестные запасы и охранить их от зверя и ворага.

Женщины рубили низкие еловые ветви, а мужчины копали яму. Её сделали пока не столько глубокой, сколько широкой, чтобы упрятать все продукты от зверюшек и непогоды. Дно выслали лапами ели, на них положили мешки с зерном, мукой, горохом, репой, коробка с сушеными грибами и ягодами и разную другую снедь. Сверху тоже набросали хвойных

веток. Заканчивали, когда уже стемнело, лишь немного освещал догорающий костерок, в который Ягодка подбрасывала хворостинки.

В эту ночь дождя не было, и сквозь темноту крон сверкали звёздочки.

Наконец, они заснули. Полтора суток без отдыха и сна, утомленные сборами, дорогой и быстрым обустройством на новом месте. Мужчины под телегой, Ягодка между матерью и бабушкой на телеге. Белолобая и Краюха, привязанные к деревьям, дремали невдалеке.

IV

За лесом ясное прозрачное утро, а под густыми кронами сыроватый сумрак. Новые обитатели лесной глуши уже за работой. Вот уж собран хворост и славно потрескивает, пожираемый ненасытным пламенем, но ему не разгуляться, Благуша с Ягодкой его стерегут, вот уж варево поспекает, а Мирослава несёт в кадке парное молоко. Вот уж скотина возвращается с водопою, подгоняемая Жданом. Сквозь ветви и листву пробиваются сияющие лучи проснувшегося солнца. Собимысл возвращается на полянку, к костру, подкрепляется вместе с семьёй. Как только стало светать, он проснулся и пошёл проверять деревья, какие на что годны. Отмечал те, что пойдут на уголь и удобрения, и те, что послужат для постройки землянки, те, что пойдут на баньку, хлев. Каждое деревце при его приближении с топором в руках от страха трепетало листочками и веточками, но мольбы и молитвы Собимысла, обращённые к духам деревьев успокаивали их и они смирялись со своей участью пасть и спасти людей и тем самым угодить богам, ведь каждое божье создание должно помо-

³ зарев (сл.) – август

гать жить другому божьему созданию, и если понадобится, то и ценой собственной жизни. Таков закон природы и духов её создавших.

Дымок от костра разгонял комаров, которым тоже не терпелось позавтракать. Отгоняя их, Ягодка засмотрелась на наливающееся голубизной небо.

– Дедуля, – дёргает она деда за порты, – что на небе?

– Это Макошь пряжу рассыпала, она прядёт нити судеб каждому из нас, – ответил Собимысл, глядя на волокнистые перистые облака.

Потом снова за работу. Ждан и Собимысл деревья рубят. Женщины с Ягодкой ушли на ручей, занялись стиркой, потом кормёжкой скотины и птицы. После чего принялись помогать мужьям, на поваленных деревьях ветви обрубают. Весь день в хлопотах и делах.

Полянка расширилась, деревья немного поредели, и всё же ночь пришла сюда раньше, чем на луговину. Утомлённая семья расположилась на ночлег снова под открытым небом. Ягодка обняла мать, просит рассказать ей бывальщину-небывальщину.

– Доченька, проси бабушку, она больше моего знает всякого.

Не смотря на усталость, Мирослава при случае всегда делилась тем, что знала, и она стала рассказывать древнюю легенду:

– В стародавние времена далеко на юге, куда улетают птицы, когда лист опадает, большое сильное племя обитало в степях, что подходили к Солёному Синему озеру, а называли его Скифским морем. Оно тако огромное, что сменяется много дней и ночей, пока лодьи достигнут другого берега. Море звалось тако по имени племени, а оно получило имя в честь Скифа – отважного и мудрого вождя. Он кочевал с соплеменниками по бескрайней степи. Они не токмо деревянных, но и земляных домов не имели, потому, акы постоянно искали хороших пастбищ, для своих лошадей, а их у них уйма. Кроме табунщиков среди них были искусные золотых и прочие дел мастера.

Однажды шли они, а вокруг всё поля, да поля колосятся, а за ними селение. А скифы непроч обменять свои изделия на местные товары. Гостеприимные селяне угостили их пирогами, солёными груздями и плодами своей земли. И тако они поладили меж собой, что решили породниться. Скиф, к тому времени уж вдовец, взял в жёны Славяну, дочь местного вождя Анта. Зимой Скиф жил с молодой женой в селении, а племенем в кочевьях верховодил его сын, он тоже звался Скифом. Но, когда степь зеленела, не мог старший Скиф усидеть в хоромах. Усадив Славяну в кибитку, мчался он впереди, запах родной степи манил его в необъятные просторы.

После сбора урожая селяне-пахари с радостью встречали друзей-кочевников, они для многих стали родственниками. Случалось им вместе отражать ворогов и, когда на пахарей нападали жадные соседи и, когда скифов пытались покорить пришлые племена.

У Скифа и Славяны родились близнецы-братья, назвали их Славян и Вандал, а через несколько годков ещё сынок, наречённый Сколотом. Скиф-младший любил братиков, опекал их, учил вместе с отцом воинскому ремеслу. А кто ж позаботится о слабых и малых, коли не старший родич.

Вандал и Славян унаследовали непоседливый характер отца, да не токмо его. Ведь и Венет, брат их дедушки Анта, как только усы да борода придали мужество недавнему отроку, так ушёл он сотоварищами в дальние земли. А теперь Славяну и Вандалу не сиделось дома и к кочевью не лежало у них сердце. Акы ни грустно расставаться матери и отцу, а пришлось. Ушёл Вандал со своими друзьями туда, куда солнце уходит почевать, а Славян – в ту сторону, откуда зимой ветры снег приносят. Ушли они с молодыми жёнами, и те с домашним скарбом тряслись в телегах по нехоженным дорогам.

У Славяна родились близнецы Рус и Словен и поселились они на берегу Венедского моря⁴. Братья любили друг друга и росли дружными, они исходили весь берег, где жили с детства и мечтали уйти осваивать другие земли, акы некогда их отец. Выросли братья и ушли со своими друзьями, но отец, прежде чем отпустил их взял обещание с них, что один из них, акы женится, так вернётся, иначе не будет им удачи и боги отвернутся от них. Братья бросили жребий, кому возвращаться. Выпало Русу. И тогда они отправились, Рус пошёл на север вдоль побережья, чтобы обратно с пути не сбиться, а Словен отправился в сторону восхода солнца, дошёл до Ильмень озера и там обосновался. Рус со своими друзьями

забрёл во владения старого вождя Венета, тому понравился мужественный и отважный юноша и женил его на своей осиротевшей внучке Балтике. Рус вместе с женой возвратился в отчий дом. И было у него трое детей, двойняшки – Рус и Русса и младшенький Иллириец. Младший Рус остался в вотчине отца, а его брат с детства пытался убежать к другим племенам, и акы стала пробиваться у юноши борода, отпустил его отец в дальнюю дорогу. Ушёл он туда, откуда дуют тёплые ветры. Сестра их Русса вышла замуж за Алана-аса⁵, брата Норманна, женатого на дочери Сакса. Эти братья были сынами отважного воина Одина, внука славного Роксалана.

Вот Ягодка, внученька любая, такмо все племена родственниками стали, но давно уж позабыли про то родство и враждуют друг с дружкой, каждый норовит, чтобы его верх взял.

По имени Младшего Руса племя русами стало называться, а мы пошли от Словена.

Князь и дружинники из племени русов, они хотят, чтобы люд славянский был покорен им, вот от чего и изводят волхвов и кудесников, которые им перечили, передавая волю богов. Дружина ведёт торг с греками и для обоюдной выгоды многие из них, да и купцы переняли веру грецкую, а теперь всех остальных заставляют ихнему богу поклоняться. Говорят, дана власть Богом и над смердом и над холопом и дружиннику, и торговому человеку, и тем болевоеводе, щё пуще князю. Потому тот бог хорош им. Выходит и не важно, каков нрав у господина, работный люд должен терпеть и всё тут. Се выйдет, аще буде несправедное деяться никто не смеей указать! Тогда и князь, и дружинник, и купец богатый таку волю мобудь забрать, так прижать, что жизнь станет немила. Тако не долго уподобиться скотине бессловесной.

Ох, внученька настало время лютое. Ох, придётся народу тяжко. Да, а будет ли потом лучше? Навряд милая. Видно достанется тебе судьба нелёгкая, – добавляла Мирослава уже спящей Ягодке.

На следующий день разразилась сильная гроза, приостановившая рубку деревьев, но давшая неожиданный отдых. Ягодка в страхе прижалась к матери:

– Ой, мамуленька, почему тако грохочет? И откуда се огромные сверкающие ветви падают?

– Се, Ягодка Сварог огонь для своей кузницы высекает. Слышишь, акы чиркает-громыхает! А сейчас не ветви, а искры-молнии посыпятся.

– Ой, страшно, мамуленька, – Ягодка прижалась к матери после очередного раската грома.

– Да, дитятко, грозно. Грохот этот великий пугает, да беды в нём нет. А вот завораживающих искр, молниеносно являющихся среди туч опасайся. Красота их бывает губительна. Лишь коснуться они земли, и будь тамо древо, иль дом, иль скотина, иль человек – вспыхивает огонь окаянный и всё губит.

⁴ Венедское море – Рижский залив

⁵ Аланская Русь в Прибалтике.

V

Наконец землянка готова, теперь от холода и непогоды семья будет укрыта. В ней так пьянюще свежо пахнет хвоей, это земляной пол густо покрыт еловыми лапами. Скоро сюда внесут две широкие лавки и стол, которые сбивают сын с отцом. А домашнюю утварь женщины уже расположили рядом с дверью и возле глиняной печки. Как только присели к вечеру передохнуть, Ягодка уж опять пристаёт с вопросами:

– Бабуленька, скажи, почему облака в ряды выстроились?

– Да Ягодка, се Макошь пироги печёт, вишь каки пышные.

– А почему не видно ни противня, ни печи? – не понимает девочка.

– Оттого и не видно, внученька, что людям видеть не положено ак боги дела свои творят.

Как ни заняты работой от зари до зари, а тоскуют по родимой деревне, как не крепятся, а вырвется печальный вздох, как там их односельчане, не погубили ли их княжеские дружинники, что стало с их брошенным домом, если не сожгли его, так верно другие хозяева у него, но ничего, домовушку своего они с собой взяли, да и идола их предков уже стоят в землянке на почётном месте.

Уж прошёл осенний солнцеворот, теплело только днём и то, когда солнце могло убежать от догонявших его туч. С каждым новыми сутками ночь вырастала, отнимая время у дня. Буйная трава жухла, лишь зеленела сквозь неё молодая поросль, а вот листва даже в старости оставалась прекрасной. Сначала берёзы украсились жёлтыми прядями, а клёны зарумянились. Листва ясеней зарделась, а хвоя лиственниц порыжелла. Некоторые тополя первыми сбросили быстро увядшие и засыхающие листья, другие всё ещё сохраняют их зелёными и сочными. В ясный день берёзы сверкают золотистыми листочками, которые при даже небольшом порыве ветерка осыпают близстоящие тёмно-зелёные ели и застревают меж игл сосен, но и они сбрасывают хвою с отмирающих веток.

Заморозки грянули, ручей за ночь ледком затягивает, трава по утрам белёсая и пушистая, в инеи. Скорый холод не в радость, но не страшит, ведь и банька и хлев уже построены. Теперь можно и окрестности обозреть, да разузнать, что на земле делается. Ещё, как увидел Ждан ручей, хотелось ему вдоль русла его пройти, но срочные дела не пускали. Отец одобрил желание сына, может он к озеру выйдет или к реке, рыбы половить, а сам собрался дичи пострелять. Наделали стрел отец с сыном и отправились в путь, Ждан вдоль ручья пошёл, а Собимышл направился к опушке леса.

Ждан шёл по правому берегу ручья, обходил деревья, перепрыгивал корни, торчащие из земли. Ручей то суживался и углублялся и тогда берега возвышались над ним, как валы, то растекался по плоскому и широкому ложу из волнистого песка и движение воды становилось едва заметным, а бережки понижались, земле надоедало вздыматься и она распластывалась перед путником. По старой слежавшейся хвое идти мягко и удобно, под ногами шуршат опавшие листья, да хрустят сбитые ветром засохшие ветки.

Местность пошла под уклон и ручей, журча громче, помчался бойчей, а за ним Ждан. Вдали между деревьями завиднелся просвет и Ждан осторожно направился туда.

Ручей с шумом вливался в лесное озеро, окаймлённое двойной охраной: бодро зеленел подлесок из молоденьких елей, жавшихся у ног берёз, разбрасывающих свои золотистые монеты вокруг и их перевёрнутого отражения в грязно-илистом зеркале, в середине которого сверкала голубизна. Озеро не казалось большим и, тем не менее, деревья на его противоположном берегу выглядели игрушечным. Похоже, оно было глубокое, только близ берега лежали на поверхности продолговатые листья кубышки и торчали ветвистые стебельки с резными листьями жерушника и длинные и тонкие трёхгранные листья сусака,

собранные в розетку вокруг безлистного стебля, а между ними густо усыпано зеленело ряской и сальвинией. Ждан залюбовался, глядя на озеро. Он надеялся наловить здесь рыбы и, словно в подтверждении в разных местах озера он услышал всплески и принялся удить.

VI

Отведав горячей ухи, Ждан нанизал лещей и карпов на хворостину и отправился дальше вдоль берега. Он хотел обойти озеро и уж тогда воротиться. Берег постепенно понижался. Вскоре Ждан заметил высунувшуюся мордочку бобра, которая тут же снова скрылась под водой, а затем появилась возле нагромождения из веток и сучьев, наваленных в воду и торчавших из неё. Когда Ждан подошёл ближе, понял, что это плотина, которую соорудили бобры. Сквозь неё просачивалась вода и беззвучно уходила в заросли рогоза. Ждан попытался идти дальше, но под ногами уже хлюпало и с каждым шагом становилось глубже. Маленькими комочками разлетались в стороны лягушки и глухо шлепались, исчезая в траве. Осока, камыш, ситник и манник прикрывали грязную воду, а липкий ил обхватывал ноги. «Ешо утопнешь в болоте зазря», – подумал Ждан и скорее пошёл обратно. Сквозь хлюпанье воды и грязи он расслышал стук топора, который раздавался откуда-то из-за болота. Вскоре Ждан различил уже удары двух топоров, ему стало любопытно, есть ли поблизости селение. Но озеро не обойти, по болоту идти он не хотел. Придётся топтать обратно до устья ручья и оттуда идти уже вдоль левого берега озера, может и удастся пройти дальше. Так он и сделал. Левый берег озера оказался выше и суше правого. Вскоре путь преградила река, вытекающая из озера, но она оказалась мелкая, сквозь зеленоватую воду просвечивало песчаное дно. Ждан разулся, задрал порты и перешёл речку. Обтёр мокрые ноги, обулся и отправился дальше.

Солнце уже перевалило за полдень и неумолимо скатывалось с бледно-голубого полога, раскинувшегося над зелено-золотисто-багрянным лесом. Пора уж возвращаться, если Ждан хочет угостить семью рыбкой сегодня, но любопытство толкало его вперёд. Тем более он вновь услышал стуки топоров. Ждан осторожно приближался к ним. Сквозь листву увидел: двое мужчин рубят деревья, они молодые, с разницей на вид лет шесть-семь. В стороне от них у костра сидит старик, что-то варит. «Уж не люди ли лихие?» – мелькнула мысль у Ждана, как вдруг из куста высыпала детвора, трое девочек и один мальчик, один другого меньше, и подбежали к старику, он усадил их к костру греться. Присмотрелся Ждан, вовсе это не куст, а шалаш, да и рядом второй. Дети встрепнулись, куда-то побежали. Из-за деревьев появились две молодые женщины, одна несёт что-то в подоле, а другая – за спиной какой-то узел. Дети подбежали к ним. Ждан облегчённо вздохнул, ясно не разбойники, а может такие же, как и они, хоронятся, чтобы старую веру сберечь. Но пока наверняка не известно, открываться им не следует, да и может и им самим гости сейчас не ко двору, потому, как и двора и дома у них нет. Потихоньку, стараясь не хрустеть ветками, Ждан повернул обратно, решив как-нибудь в другой раз прийти разузнать, что за люди.

Когда Ждан шёл вдоль берега ручья, Собимысл не доходя до опушки, повернул вглубь леса. На земле то там, то сям валежник, покрытый зеленым пушистым мхом. Вдруг откуда-то сверху донеслось шуршание, Собимысл присмотрелся – три белки цепляясь за стволы и ветки, бегали и прыгали с дерева на дерево. Играют или убегают? Собимысл продолжал следить за ними. И он понял, чем вызвана их резвость. За ними охотилась куница. Собимысл взял стрелу, прицелился. Но куница не сидела на месте, ловко прыгая, догоняла одну из белок. Глаза у Собимысла всё ещё зорки, а руки сильные, и куница, пронзённая стрелой пала на землю. Собимысл поднял её, положил в суму, достав из неё свёрток. Присел на поваленную ель, развернул тряпицу, разломил ломоть хлеба, откусил вареную брюкву.

VII

В это время Благуща и Ягодка бродили невдалеке от землянки, собирали жёлуди для свиной, сухие шишки для растопки и орехи и рябину. Увлечённые сбором даров леса они углубились в чащу, вдруг Ягодка подбегает к матери и со страхом шепчет: «Тамо кто-то плачет». Благуща тоже сначала испугалась, прислушалась. И, правда, из-за кустов малины и густо росших маленьких ёлочек слышался не то плач, не то стон. Благуща наказала дочке стоять, а сама потихоньку пошла на тихие жалобные звуки. Но Ягодке страшно одной остаться и она крадучись прячется за спину матери, но идёт следом за ней. Звуки смолкли, но Благуща осторожно обходит и видит большие испуганные глаза лосёнка, от страха он вжался в землю. Он попытался вскочить, но ноги подкосились, и он рухнул. На правом боку у него была сильно содрана кожа, и открытая рана уже начала гноиться.

– Ой, ты бедненький, кто ж тебя так поранил? – сочувственно покачала головой Благуща.

Она взяла лосёнка на руки, хотя он и пытался вырваться, но боль, и, видимо, голод совсем лишили его сил.

– Мал, да тяжёл, – промолвила Благуща и понесла найдёныша домой, а Ягодка за ней и всё норовила погладить жёсткую шерстку лосёнка.

Мирослава у землянки увидела их.

– Вот нашли, – радостно прокричала Ягодка.

– Мама, вы поддержите его, – попросила Благуща свекровь, – а я пойду сделаю ромашковый настой. А ты, Ягодка напои лосёнка молоком.

Мирослава с нежданной ношей присела на пенёк.

К вечеру лосёнок лежал на сене в хлеву, для него специально отгородили закуток, чтобы его никто из живности не зашиб. Раненный его бок Благуща обвязала льняной тряпичей, предварительно промыв рану ромашковым настоем и смазала целебной мазью.

Когда вернулся Собимысл часть рыбы, принесённой Жданом, уже пеклась на углях, распространяя вкусные ароматы, а остальная пошла на уху, которая булькала и от неё исходили аппетитные запахи, всего этого Полосатка не в силах вынести, ей неведомо усидеть в уголке под лавкой, даже возле любимых своих котят, и она вышагивала вокруг, приносившись и так смотрела на людей, тёрлась о ноги и просяще мяукала, словно говорила, когда же вы мне дадите полакомиться рыбкой. Конечно же, её угостили хвостиками и плавниками.

Собимысл принёс кроме куницы три диких утки. Ягодка радостно его встретила. Добычу деда рассматривала с интересом и грустью, гладила их серо-коричневатые пёстрые перья, подняла печальное личико, с укоризной посмотрела на небо, где громоздились кучевые облака огромными клубами, что же, мол, не упрятали птичек?

– Дедуля, отчего же они за тучи не схоронились?

– Внученька, уткам тако высоко не подняться.

– Отчего клубятся? – недовольно кивнула Ягодка на облака.

– Тако се дым из очага Рода – родителя всего живого и сущего, а также владыке туч.

– Ак дым? Тогда почему из него бывает дождь, а из нашего дыма – никогда?

– Ягодка, родимая, что же ты сравниваешь! То дым особый, богом сотворённый, он несёт влагу, чтобы напоить Мать-сыру-землю.

Ягодка вздохнула, но, вспомнив о лосёнке, стала живо рассказывать о нём отцу и деду, а Ждан поведал об озере, о болоте и людях, что видел.

– Да, надобно разузнать. Если люди добрые, то чем смогём, тем помогём, – сказал Собимысл.

Дружная, работающая семья, ставшая изгоем на родине обживает лес. Опасности они избежали, но разве будущее их безмятежно. Удастся ли им уйти от непримиримости и гнева инакомыслящих? Для них мир перевернулся, и они попытались от него убежать. Но не соприкоснуться с этим, теперь чуждым для них миром, невозможно. Видимо, огорчений и печалей им не миновать. А пока они сидят и едят печеную рыбу, хлебают уху. Ягодка ластится то к бабушке и та даёт ей кусочек рыбы, очищенный от костей, то обнимает деда и он гладит шершавой рукой её по нежные волосам, трепет ласково за ушко, то заглядывает в глаза отцу и тот говорит, чтобы она сидела на месте, а не ёрзала, не то подавится костью, то прижимается к матери и та суёт ей рыблю голову и шепчет: «Отнеси Полосатке».

Скоро они лягут спать, они устали, но сыты и довольны, что всё с ними благополучно. А завтра новый день принесёт свои хлопоты и заботы.

Часть вторая. Плата

I

– Ни снега, ни мороза – худые дни, – сокрушается Мирослава, готовя похлёбку.

– Мама, неужто боги обиду таят? – предположила Благуша, испугано глядя на све- кровь, и глаза её, широко раскрытые казались в полутемной землянке бездонно синими. Она даже приостановила веретено, ожидая услышать опровержение своей тревоги или успоко- ительные слова.

– Ох, Благушенька, самое страшное это гнев богов. А им еси за что гневаться ... Ты глянь, опять дождь! – Мирослава кивнула на вошедшую Ягодку, с одежды которой стекала вода, а на козловые сапожки налипли комья грязи. – Груден был склизлый и студен такой ж. Надобно просить мороз у Коляды.

Промокшая Ягодка не печалилась из-за плохой погоды, а принялась бойко рассказы- вать, как она играла с лосенком, а потом училась ездить на Краухе под наблюдением отца. Но и ей хотелось, чтобы, наконец-то, закончилась эта бесконечно слякотная погода с хму- рым небом. Даже гулять не тянуло в сыром лесу, где с каждой веточки, с каждой хвоинки капало. И она ждала, как и взрослые пушистого снега и прихода морозов, ведь в хлеву стояли новенькие лыжи и пахли сосной. Их выстругал для неё дедушка. И тогда она вместе с ним навестит Ячменька и его сестрёнок.

Ждан отнёс небольшой мешок овса к ручью. Длинным концом верёвки, которой был перевязан мешок, он обвязал старую берёзу, что склонилась над ручьём, опустил овёс на его дно, и вода полностью закрыла мешок.

Через несколько дней Ждан пришёл за мешком, за это время овёс не только напитался водой, но и закись. Он вытащил распухший мешок, сочившийся влагой, взвалил на спину, покрытую рогожиной. Вес овса будто удесятился и вдавливал его в скользкую землю. При- нес мешок в землянку и высыпал овёс на приготовленные возле печки холстины. Его жена и дочка разровняли зерно, чтобы сушилось. Ягодка по просьбе матери его ворошила.

Когда овёс подсох, большую часть его пересыпали в чистый и сухой мешок, а осталь- ной свековью и невестка истолкли в ступе. Эту смесь высыпали в сито и налили туда воды, которая просочилась вместе с мукой, оставив в сите шелуху. Раствор Мирослава долго варила на слабом огне, постоянно помешивая, пока не получился очень густой, студенистый кисель. Только тогда она переложила его на чистое полотенце и вынесла остывать в сенцы.

Овсяной кисель остыл и загустел так, что его уже можно было резать. Один из кусков Мирослава положила на палочку, вынесла из землянки, положила на землю и стала просить Коляду принять угощение и послать мороз.

Совершив обряд, теперь можно было и самим отведать. Вся семья с удовольствием ела ломти киселя, запивая его сладкой сытой⁶.

II

Когда в лесу сгустилась темнота, метель, наконец-то, стихла, она неистовствовала со- вчерашнего дня. Кружившиеся вихри устало распластались в белом мягком покрове, который заполнил ямы от вывернутых с корнем деревьев, а поваленные стволы превратил в продолговатые холмики. Ветер унёсся ввысь, и от его ударов деревья трепыхались, а их

⁶ Сыта – вода с мёдом.

кроны, будто метлы, скребли серое небо до тех пор, пока тёмно-серая накидка не истончилась, и сквозь неё крохотными светлячками замигали звёздочки. Несколько дуновений и облачная пелена унеслась за горизонт, обнажив бездонную синеву, наполненную неисчислимым множеством мерцаний.

Собимысл и Ждан еле открыли дверь, несмотря на то, что во время метели они и женщины выходили, и несколько раз отгребали снег от входов в землянку и хлев. Его намело столько, что казалось, здесь не ступала нога человека, а на месте построек снежные холмы.

Синеватый снег в ещё сумеречном лесу лежал безмолвно, словно метели не было вовсе. Сквозь тёмные стволы над голубоватым горизонтом проглядывал малиновый ободок. Пока Собимысл и Ждан возились с дверью, пока расчищали проход от землянки к хлеву, красное свечение, исходившее от диска, пронзило лес, огненные всполохи пробежали по стволам. Тем временем розово-золотистый шар поднимался по невидимой колее выше и выше, испуская прозрачно-золотистые лучи, которые ощупывали и проверяли всё ли на месте во владениях Солнечного бога. И все кругом обрадовались ему: снег засверкал; снежинки, сорвавшиеся с веток от легкого вздоха уставшего ветра, заискрились; белки распрыгались с ветки на ветку, с древа на дерево, разбегались друг за дружкой на перегонки вверх-вниз-вверх, шурша крохотными коготками по стволам; птицы, не смотря на мороз, звонко запели, вероятно, чувя, что зима уже поворотила на встречу с весной, хотя та ещё не близко.

Отец и сын огляделись. Красота! Но... тропинки все замело.

– Пошли тропы торить, – сказал Собимысл сыну.

По свежевыпавшему снегу, мягкому и пушистому удобней и быстрее идти на лыжах, а потом, когда морозы спрессуют снег на протоптанных дорожках, можно поехать и на лошадке. Краюха любит легкий бег, любит размять ножки и нетерпеливо ждёт в своём стойле в хлеву, когда же её пустят пробежаться.

Собимысл и Ждан едут на лыжах, они их выстругали ещё в начале осени, спешили, вдруг зима будет ранняя, хотя приметы говорили обратное. Несмотря на то, что немало из нужных вещей в хозяйстве пришлось бросить в старом доме, в том числе и лыжи, зиму они встретили подготовленными. У каждого была тёплая одежда и обувь, наготовлены дрова, съестные припасы, а главное кров и не только для себя, но и для скотины, и ещё разведаны пути в ранее неведомом лесу. В январе мужчины рубили деревья для постройки избы. Стволы пролежат до конца зимы, чтобы мороз высушил живительную влагу, которой они наполнены, тогда дом из сухих брёвен будет тёплым. Работы предстоит много, когда стает снег и уйдёт талая вода им придётся выкорчёвывать пни под огород и пашню.

Легко скользят лыжи, смазанные воском, который раздобыл Ждан осенью у диких пчёл. Мужчины быстро мчатся, каждый отталкивается длинным шестом, как на лодке на мелководье. Прочные лыжи, с плавно закругленно суженными и загнутыми носами оставляют широкий след, ведь ширина каждой в локоть⁷.

И вот сын и отец разделились, Собимысл свернул вправо, а Ждан продолжил прежний путь. Потом отец взял немного левее, и какое-то время они шли параллельно, но при этом Собимысл явно кренил вправо, пока они не разошлись. Только им ведомыми приметамы леса они находили прежние дорожки и прокладывали лыжню, чтобы в следующий раз было легче идти не только им, но и женщинам, которые частенько углублялись в лес, да и навевались к соседям.

Три дорожки вели к жилищу другого семейства, обнаруженного Жданом несколько месяцев назад. Пути к соседям были не простые. Тропка, по которой направился Собимысл, петляя, делала большой крюк, обходила озеро и болото. Тот путь, каким шёл Ждан, короче и ближе, эта одна из двух пересекающихся тропинок. Обе тропинки сильно петляли и пере-

⁷ Локоть – мера длины – расстояние от локтя до конца руки, сжатой в кулак.

секались. Первая из них образовалась, когда Собимысл, Мирослава и Ждан пошли знакомиться с единоверцами. Пришлось петлять, обходя буреломы, болотные низинки и небольшие овраги. Потом, когда они пообщались с этим семейством, Собимысл, как всегда, прислушиваясь к своей интуиции, настоял, сделать обходные и ложные тропы, которые заканчивались тупиками, обрывались или загибались петлёй, возвращаясь обратно.

III

Собимысл бежал на лыжах, стараясь не шуметь. Коренастый, крепкий мужчина на удивление скользил тихо. Красивое его лицо раскраснелось от мороза и бега, густые русые усы белели от инея. Иногда он останавливался, сдвигал шапку на крупной голове, обнажая вспотевший большой лоб, осматривался, вглядывался внимательными серыми глазами, в которых отражались белизна снега, голубизна неба и мелькали тёмными чёрточками стволы и ветви.

Когда Собимысл добрался до соседей, Ждан был уже там. У него на коленях сидела четырёхлетняя девочка и укачивала полугодовалого котёнка, сына Полосатки, которого подарила ей Благуша, и при этом теребила Ждана за рукав, и, картавя слова, просила, чтобы он спел колыбельную её пушистому «ребёнку». Юноша всячески отнекивался, стараясь не обидеть такую милую девчушку и поскорее уйти. Но та его не пускала, вцепившись в рукав и подол. Ждан торопился уйти ещё и от бесцеремонно-любопытных глаз юной матери девочки, она беззастенчиво строила глазки молодому гостю, который краснел, смущался и, оттого злился. Женщина постарше гремела посудой возле печки, готовила варево, ей помогала дочка, лет семи, а другая года на два постарше, сидела на лавке, пришивала заплатки на рубашку. Рядом с ней устроился старик, он вырезал из чурки куклу. Возле него расположился подросток лет одиннадцати и рассматривал лук Ждана, на котором тот начертал разные значки и фигуры.

Хлопнула дверь, и всех обдало свежестью и холодом.

– Здорово соседи! – бойко бросил Собимысл, входя.

Дети вскрикнули, радуясь ещё одному гостю, и бросились к нему. Собимысл вытащил из сумы куль и подал его им.

– Вот вам лесные орешки от белки и Благуши с Ягодкой. – Затем достал небольшую берестяную кубышку, поставил её на стол. – Мирослава прислала вам поклон и мёд.

– Спаси вас боги добрые люди за помощь, – кланяясь Собимыслу и Ждану, пролепетал старик, растроганный заботой чужих людей.

– Батя, что тако долго? Я уж хотел идтить встречать, – спросил Ждан, ему наконец удалось отцепить от себя самую младшую девочку. – Иди Сладка, погрызи орешки, – подтолкнул он её к старшим детям, и подсел к старику.

– Сначала показалось – ком снега метнулся, пригляделся, беляк замер. Потом акы припустит и снова замер. Тут я разохотился. Пока одного догонял, другого заметил.

– И ты за двумя гонялся, – ухмыляясь, прошелестела молодуха, жадно рассматривая Собимысла.

– Помолчи, Желана, не встревай, – зыкнул на неё дед.

Собимысл одобрительно глянул на него, приветливо улыбнулся.

– А се тебе Дюжен на рукавицы, – Собимысл достал из сумы сырую, недавно снятую шкурку зайца.

Старик с радостью принял подарок, глаза его увлажнились, он любил Ждана и Собысла и горевал, что его сыновья не похожи на них. Дети, с зажатыми в кулачки орехами, которые спешили запихать в рот и освободить руки, окружили деда и каждый старался дотянуться до шкуры, погладить мягкий мех.

– Где сыны, Дюжен? В лесу? – спросил Собимысл, усаживаясь отдохнуть на лавку.
– На печи, – тихо и грустно ответил старик, кивая в её сторону, откуда доносилось слабое храниение.

– Хворают?

– Дрёма их одолела, – пояснил недовольным тоном.

– Тако, небось, ночью спать не дают, – усмехнулся Собимысл, мельком взглянул на женщин, которые горделиво подбоченились, довольные собой. Каждая из них всем своим видом будто говорила: «Вот какая я, и как хорошо со мной...», и бесстыдно пялилась и хитро улыбалась статным и красивым гостям.

Действительно невестки Дюжена были всё ещё хороши, женственные, с плавными движениями, они завораживали мужчин своими пышными формами, румяными пухленькими щёчками, их сияющие глаза смотрели откровенно и с вызовом, влажные и сочные губы приоткрытого рта манили. И неудивительно, что сыновья не могли устоять перед такими красотками, которых они однажды увидели на торгах в крупном соседнем селе. Обе девушки были сестрами. Гроздана, несмотря на свою красоту, засиделась в девках, хотя девичью невинность она потеряла давненько. В родной деревне она нравилась многих парням, но в жёны её никто брать не хотел, потому что, если молодые и неопытные не понимали, тогда им родители строго объясняли, иногда и с хлыстом в руках, что Гроздана любить одного не может, ей нравятся многие, и её не останавливал возраст или наличие семьи у мужчины, которого она облюбовала, а детей её придётся кормить и воспитывать ему, и потому не получит он родительского благословения. Женщины деревни боялись и за своих мужей, падких на подобных, и за своих детей и внуков, и за себя, зная, что Гроздана со свету сживёт своим ворчливым и скандальным характером и, что с ней по миру пойдёшь, потому что у неё зимой снега не выпросишь. Отец и мать Грозданы не знали, куда деваться от позора и опасались за Желану, которая была на шесть лет моложе сестры, но уже стала перенимать её повадки и склонности. Родители стали чаще выезжать на торги в другие деревни и сёла и брать с собой дочек, авось кому и сбудут их, благо на них всегда засматривались.

Дюжен и его сыновья всего этого не знали. Дюжен, к тому времени овдовевший и сильно горевавшей по своей Любаве обрадовался, что сыновья захотели жениться, а потом, если боги позволят, будут у него и внуки и всё это отвлечёт его горьких мыслей, от печальных воспоминаний. А сыновья совершенно осоловели от таких смачных красоток и, опасаясь, более удачливых соперников поспешили жениться. Гроздана вышла за старшего сына Дюжена Верхогляда, а от Желаны млел младший – Тугомысл. Одинаково равнодушные как к упрекам отца, так и к ворчливости и изменам жён братья были довольны, что они у них есть и больше им ничего и не надо. Дюжен не раз пожалел, что поспешил женить сыновей, но время не воротить. Хорошо, что у него есть такие замечательные внучки и внук. У Желаны и Тугомысла несколько лет не было детей. Дюжен, а не они так просил, так молил Макошь⁸ послать им дитя, что богиня смилостивилась, и родилась малышка Сладка. Старшие её двоюродные сестры Нежа и Истома растут работящими и смышлёными на радость деду. А Ячменёк – отрада его, в нём он узнаёт себя.

– Дядя Собимысл, возьмите меня на охоту, – жалобно попросил мальчик.

– Возьми его, Собимыслюшка, при случае, – попросил дед.

– Коли метели не будет приедем к вам с Ягодкой, апосля на охоту пойдём, – пообещал он.

– Ура! – вдвойне обрадовался подросток.

– Нежа, – обратился Ждан к старшей девочке, – Не забидите Ягодку, пока мы будем в лесу рыскать?

⁸ Макошь (Мокошь) – богиня плодородия.

– Не-е, дядя Ждан, – поспешила ответить та.

Собимысл и Ждан встали, собираясь уходить. У печки Гроздана встрепенулась, суетливо завозилась и крикнула вдогонку.

– Скоро варево поспеет, отведайте с нами.

Но она так произнесла эту фразу, что у гостей аппетит пропал. Они поблагодарили за предложенное угощение и поспешили выйти. Ослепительный свет зимнего дня ударил в глаза. Они с облегчением вдохнули свежего воздуха.

Мальчик попросил мать и деда разрешить ему проводить гостей.

– Ступай, Ячменёк, проводи их, – одобрил Дюжен. А мать равнодушно махнула рукой.

Дед хотел, чтобы внук чаще общался с гостями, у них ему есть чему поучиться, не то, что у непутёвых отца и дядьки.

Ячменек догнал Ждана и Собимысла и попросил передать Ягодке подвеску на кожаном шнурке. На деревянной подвеске искусно вырезан олень с ветвистыми рогами.

– Дед сработал? – спросил Ждан.

– Сам. Дед научил.

– Добре! Малец-то мастеровой! – похвалил его Собимысл, восхищаясь резьбой, улыбнулся и добавил, – Жди нас с Ягодкой. Пока же, – и повернулся к Ждану, – сынок нарубим лапника, – и, направляясь к елкам уже, сопровождавшему их мальчику, – Ячменёк, отнеси ветки в землянку, брось на пол, дух у вас поганый, заболеее. Когда эти подсохнут, ты насыпь новых.

Тот кивнул, готовый выполнить любой наказ Собимысла и Ждана, так как очень почитал их.

Отец и сын направились к дому разными дорожками, прокладывая лыжню по истинным и ложным тропам. Задумчивы и печальны их лица, им жаль детей, таких неухоженных, будто не родные матери, а равнодушные мачехи их растят, жаль старика, который и обстирывает себя сам, будто у него нет невесток, и заботиться о внучках и внуке, словно нет у них отцов. Только из-за детей и старика они приходят к ним.

Когда Ждан осенью впервые приблизился к их шалашу, дед невдалеке копал, время от времени ругая кого-то и потрясая кулаком в сторону густой и высокой травы. Потом оказалось, что там его сыновья тискали жён, не заботясь о крове на зиму. А уже холода подступали, а его сыновья рыли медленно и вяло. Жалея детей и деда, Ждан и Собимысл помогли выкопать им просторную землянку.

Дюжен не мог нарадоваться на неожиданных помощников и постоянно благодарил их и богов, которые ему их послали. Иногда жаловался им на сыновей. «В кого они таки не пойму. Я и мать их покойная никогда от работы не бегали. Они же негалюбы. Проси их, грози им – акы глухие. Як бы внучков не испортили, токмо ими и живу. А сыновья и сыновки⁹ – наказание богов, за что не ведаю. Одни ленивы, другие похотливы. Сколько им рогов наставили! Стыдно было в деревне нос из избы высунуть – отовсюду усмешки, да ухмылки, а кто и посочувствует – всё одно горько. К тому ж обе неряхи. Что в дому, что в хлеву. Ох, помру, что с ребятками станется?»

IV

Дитя Хорст превратился в юношу Ярилу. Отныне ночи короче, а дни длиннее. Наступает праздник Комоедицы¹⁰. Накануне Мирослава напекла много блинов и они всей семьёй

⁹ Сыновки – невестки, снохи.

¹⁰ Комоедицы – праздник поедания блинов, посвящённых медведю.

отправились к соседям праздновать. Ждан привязал к спине соломенную куклу Марены¹¹, которую вязала и обряжала в старые одежды Благуша.

Зная о скудных запасах соседей, взяли с собой угощение: мёд, медовуху, овсяной кисель, большой кусок вареной козлятины, блины, даже Ягодка захватила торбочки с орешками и лесными сушёнными ягодками.

Резво скользят лыжи по уже посеревавшему, но ещё обильному снегу. Первым идёт Ждан, за ним отец, чуть поотстав Благуша, за ней Ягодка, а Мирослава замыкает. Сквозь конусы елей, разлапистые кроны сосен и переплетение голых ветвей мелькает ярко-голубое небо, проскальзывают лучи солнца, которое, несмотря на морозец уже здорово пригревает.

По дороге Мирослава разбрасывает ячмень, чтобы сороки, в которых превратились навьи¹² поели зерно и не мешали празднику.

Вот и холм землянки.

– Заждались поди, соседюшки, – кричит Собимысл и стучит в дверь.

Первыми выскочили дети. С визгом и криком бросились они к гостям. Трогают и рассматривают куклу Марены, обнимают Ягодку, льнут к женщинам. Вслед за ними вышел Дюжен, жмурясь от яркого света и покашливая.

– Хвораешь дедушка? – спросила Благуша.

– Зиму перемог, а весна зачалась тако ослабел.

Ягодка слышала от взрослых, что старик живёт в проголодь, делясь с внучатами и поспешно сняла меховые рукавицы, зачерпнула одной рукой орехи, а другой ягоды и подала старику.

– Ох, дитя, спаси боги тебя и твоих сродственников. Орешки щёлкать мне уж нечем, а ягодки пососу, авось сил и прибавится.

Показались заспанные физиономии сыновей, совсем не похожие на отца. Тот хоть и старый, лицо изборождено морщинами и обветрено, и весь седой – и волосы, и борода, и усы, и густые брови, даже из носа торчат седые волоски, но ещё на вид крепок, глаза уже слабее, чем прежде, но всё подмечают и зверя далеко заметят, натруженные руки по-прежнему мастеровые. Сыновья же напротив бледны, Верхогляд немного полноват, какой-то рыхлый, младший Тугомысл узкоплечий с впалой грудью. Серо-голубоватые их глазки скользнули по поклажам гостей и лица просияли любезными улыбками. За мужьями выскочили шустрые их жёны.

– Здорово живёте соседюшки, – приветствовала молодых Мирослава. – Хозяйки берите угощение, да на стол. А первый блин комам (ком – медведь), – она взяла один блин, а остальные в берестяном цилиндрическом коробе отдала женщинам, которые взяли угощение и отнесли в землянку.

– Пора праздник вершить, – торжественно объявил Дюжен, когда невестки снова вышли из землянки.

Дюжен вытащил из небольшого шалашика соломенную кобылу. Водрузил на неё куклу Марены и несколько раз пронес мимо взрослых и детей, которые приговаривали:

Марена Свароговна, краса, русая коса.
Приди на наш двор.
Марена-Масленица, с гор покатайся,
Да в блинах поваляйся

¹¹ Марена – богиня Смерти и Зимы.

¹² навьи, навки – злые духи навьи, навки – злые духи

Потом Дюжен аккуратно поставил «кобылу» с куклой, так чтобы она не упала и отправился в чашу. Все пошли вслед за ним. Зашли в густо росший подлесок и Мирослава положила на нижние ветки куста блин, приговаривая: «Поешь, поешь комушка наше угощение». И все весело хором повторили за ней.

Вернувшись к землянке, Собимысл поджёг, загодя заготовленный Ячменьком хворост, загорелся небольшой костерок. И взрослые стали восхвалять каждого из богов, не забыли и предков и всех знакомых единоверцев.

Дюжен достал из шалашика маски, протянул их собравшимся.

– Спрячьтесь под личинами от злых духов.

– И мы хари припасли, – сказал Ждан, вынимая из сумы свои.

На берестяных масках углём нарисованы свирепые и немного смешные рожи.

Надев маски, все выстроились в хоровод и запели:

«Акы на масленой неделе блины под порог летели. Комы угощенье съели, Марены уйти велели. Уходи холодная!»

И тут Дюжен бросает в куклу снежок. За первым летит другой, третий... уже все швыряют в неё снежки пока она не падает с «кобылы». Тогда Дюжен торжественно бъявляет: «Марена усопла». Собимысл и Верхогляд кладут куклу на погребальные носилки и все произносят погребальную молитву. Дети сбиваются, запинаятся, но стараются за взрослыми. Малышка Сладка вообще бормочет не понятно что. Затем куклу торжественно возлагают на костёр. Пламя быстро поглощает солому. Под треск огня Дюжен запел, а остальные подхватили:

Ты холодная Марена всему миру надоела.

Ты ушла с хмельными медами и блинами.

Отныне станет нам светло и тепло.

И все, шутя и смеясь, прыгают через костерок кроме старика и малых Ягодки и Сладки, которые широко раскрыв глазенки внимательно следят за старшими. После все без исключения стали умываться снегом, приговаривая: «Снежок, талая вода дай мне красу».

Тугомысл вынес из землянки несколько колес, сплетённых из хворостины, и все отправились на ближний холм. Оттуда на пологий склон, где среди редких толстых берёз из-под снега торчали веточки махоньких сосёнок, стали скатывать зажжённые колёса. А вслед им кричали: «С горы катись, с весной воротись».

Когда колеса скатились и сгорели, Дюжен позвал всех в землянку.

– Пора пировать, друг дружку угощать.

Хмельно пили, сытно ели. Невестки Дюжена, любительницы, теперь редкой у них, медовухи от выпитого раскраснелись, ещё больше похорошели, движения и язык их стали более раскованны до неприличия. Дюжену так и хотелось треснуть им обеим по лбам ложкой, но сдержался, чтобы не портить праздник детям и гостям. Его захмелевшие сыновья сидели довольные, горланили песни и обнимали жён, которые строили глазки Собимыслу и Ждану. Собимысл старался не смотреть на них и обращался всё к Дюжену или к его сыновьям. Он поджал под лавку ноги, чтобы избежать блудливых толчков под столом от ножек Грозданы и Желаны, которые досадили этим и Ждану, и он хотел поскорее покинуть сотрапезников. Мирослава и Благуша всё замечали, и даже Ячменёк, который насупился и стыдился за свою мать и тётку. Благуша в душе возмущалась бесстыжими шутками и намеками сестёр, блудливыми их взглядами и телодвижениями. Мирослава сидела тихо и незаметно наблюдала, она сдерживала себя, чтоб не схватить их за волосы и хорошенько стукнуть, и как ни в чём не бывало изредка говорила: «Гляньте яко детишкам весело, акы они выигра-

лись!» А глазами добавляла Благуше: «Потерпи дочка, ведь деток жаль» и прибавляла вслух: «Любо детяткам вместе».

Возле землянки в глиняной плошке горел священный огонь, рядом с ним на холстинах лежит пятая часть от того, что выставлено на праздничный стол. Это угощение Дедам, духам предков.

Ждан после знака отца вышел, захватив с собой суму. А через некоторое время Дюжен напомнил: «Пора будить ведающего мёдом»¹³. Дети закричали: «Пора! Пора!» и побежали вон из землянки, за ними и взрослые, которые подожгли головни и пошли в чащу.

Вперёд забежала Благуша. Вот она остановилась и стала разбрасывать валежник. Из снежной ямы показалась шкура. Благуша прыгнула на неё, и давай тормошить спящего. Ей удалось оторвать маленький кусок шкуры. Она поспешно выбралась из ямы и побежала.

Шкура заворчалась, поднялась и погналась за Благушей, приговаривая:

Земля спит, вода спит, деревья и травы спят.
Одна жона не спит и мне не велит.
Меня съест хотит, шкуру содрать и сушить.
Вот я её заловлю и помну.

Благуша испуганно кричит, спотыкается, падает. На неё наваливается разбуженный.

Дети замерли и притихли и, вдруг радостно закричали, завизжали. Ждан сбрасывает шкуру, вместо медвежьей он закутался в сшитые козьи, поднимает Благушу, которая его обнимает. Они любовно и нежно смотрят друг на друга. А вокруг них прыгают и резвятся дети. Все смеются, а Гроздана и Желана кисло улыбаются, потому что каждая хотела бы быть на месте Благуши.

Дюжен обнял молодую пару.

– Ох, милые мои, любо глядеть на вас... Что жа, медведя пробудили, треба игрища зачинать. Ну, юницы, – обратился он к девочкам, – покажите акы зима не пушает весну. Ячменёк, прогоним зиму.

Старик и мальчик пытались оттолкнуть девочек, которые, несмотря на слабые детские силы, стойко держались, толкались, пихались, дрались. С обеих сторон в ход шли кулаки. Но вот девочки стали выдыхаться, и деду с внуком удалось их сдвинуть с занятого места. Зима побеждена, на её место пришла весна. Дюжен вытащил из-за пазухи маленький мешочек, привязал его к стреле, взял старый свой лук и выстрелил в стройный ствол сосны. С земли не достать. Он обратился к сыновьям и гостям:

– Мужики ловкие, да умелые, то не ствол сосны, то столб небесный, и ведёт он в Ирий. Кто туда попадёт, тот усладу найдёт. Кто первый?

– Пускай зачнут хозяйева, – сказал Ждан.

– Ну, Верхоглядушка, полезешь на столб?

– Не-ет тять, не осилить мне, може Тугомысл спытает?

– Не любо мне по стволам лазить. Братич¹⁴, хошь – карабкайся.

Ячменёк замаялся, он мечтал забраться, но и хотел, чтобы Ждан добрался до стрелы. Но тот уступил мальчику.

– Возьми рукавицы, они обтёрлись, мягкие. Вперёд, отрок, – подмигнул мальчику Ждан, – Ягодка ждёт.

Приободрённый Ячменёк сдерживая улыбку медленно, как бы сдерживая силы, подошёл к сосне. Привыкшие к труду руки, крепкие ноги, ловкость и сильное желание одолеть

¹³ ведающий мёдом – медведь

¹⁴ Братич – сын брата

высоту двигали мальчиком всё выше и выше. И вот он, обхватив ствол ногами и правой рукой, левой тянется к стреле. Схватил и рывком вытащил из коры. Стал потихоньку сползать вниз.

Вокруг все кричали и восхваляли его ловкость и умение, взрослую степенность и сдержанность. А он, хотя и притомился, и лишь улыбался, а в душе ликовал. Ячменёк подошёл к Ягодке и отдал ей мешочек. Она развязала верёвочку, которой он был перевязан, и вытащила из него шкуру куницы. Погладила мягкий шелковистый мех. Родные Ягодки улыбались, глядя на детей. Дюжен был доволен, его любимец отличился, и подарок получили добрые люди. Верхогляд гордился сыном и радовался, что он пошёл в деда, что не такой слабосильный как он. Гроздана же напротив, она готова была поколотить сына, он отдал дорогую шкурку чужим и размышляла откуда та взялась у свёкра. «Верно подстрелил, когда несколько дней в чаще бродил. Вот старый, с осени берёг!» Тугомысл похлопывал племянника по плечу и хвалил его. Желана хоть и улыбалась, но жалела, что красивый мех не ей достался. Она вздохнула и, смеясь, крикнула:

– Эх, ручеек бежит по камушкам, по песочку, захватывает с собой кто мил, да люб ему, – и взяла за руку Ячменька, за ними выстроились парами Ждан с Благушей, Собимысл с Мирославой, Дюжен и Ягодка, Верхогляд и Сладка, Тугомысл и Истома. Гроздана вырвала из ручейка Собимысла, Мирослава потащила за собой Ячменька, Дюжен – Нежу, и пошёл, потёк ручеек, пока каждый не поменял с шутками и смехом пару несколько раз.

Запыхался Дюжен:

– Ох, затаскали, уморили старика, погодьте, дух переведу, – промолвил он.

Ячменёк попросил старших:

– Пойдёмте на качели.

– Пошли! Пошли! – закричали дети.

Веселой и шумной стаей поспешили к старому дубу.

Через толстый нижний сук переброшена крепкая верёвка из конопля, свитая в тугую жгут, концы её привязаны к большой и широкой доске через выбитые отверстия. Первым подбежал мальчик, посадил Ягодку, и с криком: «Деда раскачай» вспрыгнул на доску. И Ячменёк, и его подружка при каждом взмахе доски летели в бесконечную синеву неба, приближаясь к крутым горам сияющих облаков. Дух захватывает, немного боязно и весело. Внизу мелькают улыбающиеся лица, а сёстры мальчика верещат, им тоже покачаться охота. Едва доска замедлила свой шаг, старшие девочки Нежа и Истома тут же стали карабкаться, а Ячменёк и Ягодка спрыгнув, их раскачивать. Потом покачали и самую младшую сестрёнку.

Гроздана приблизилась к Собимыслу и тихонько ему сказала: «Полюбимся хотя б на качелях».

– Не выйдет соседushка, у меня уж есть любая, – и, подойдя к жене, – Покачаемся Мирославушка.

Та смущённо улыбнулась и пошла вместе с мужем к доске, с которой Дюжен уже ссадил Сладку.

Высоко взлетали Собимысл и Мирослава, и вспоминалось им, как качались много лет назад, также поднимались и опускались сквозь широко растопыренные ветки с набухшими почками. Они были тогда молоды и радовались, что отныне будут вместе. Теперь же у них взрослый сын, который сам уже не первый год отец. Они не наскучили друг другу, души их словно срослись и желания Мирославы – это желания мужа, заботы Собимысла – это заботы жены, и по-прежнему им хорошо, когда они рядом и тоскливо, когда – врозь. Они качались и пролетали годы, их совместная жизнь, порой нелёгкая, но всегда наполненная нежностью и заботой.

Качание продолжалось долго, слабое весеннее тепло пошло на убыль, солнце опустилось за густо росшие стволы и лишь крохотные лучики просачивались сквозь них.

Не удалось покачаться ни Гроздане с Собимыслом, ни Желане с Жданом. Только для них праздник не очень сладок, хотя и пили мёд. А дети довольны и веселы, рад за них и Дюжен и гости, которые ради них и пришли. Сыновья старика хоть и утомились зато навеселились и на прощанье соседей благодарили искренно.

На прощанье Дюжен промолвил:

– Порадовались сами, порадовали предков, кои незримы с нами. Ярило почивать спускается и нам пришла пора угомониться, – и прибавил, обращаясь к гостям. – Спаси вас боги добрые люди. Помощь нам от вас велика, – и поклонился соседям в ноги. Младшие родственники последовали его примеру.

Собимысл и вся семья в ответ с поклоном благодарили хозяев за гостеприимство и добрые слова.

Они договорились встретиться через десять дней, где ручей впадает в озеро на празднике хозяина водяных. К тому времени ледок подтает и можно будет принести жертвы ручью, озеру и водяным, которые пригонят рыб.

V

Верхогляд пошёл в ближайшее селение, туда иногда наведывался он с женой или братом, менял дары леса: осенью – грибы, орехи, дикий мёд, а зимой – шкуры и дрова.

В этот раз Верхогляд вернулся испуганный и рассказывал родным: «Рыскают дружинники, доселе тамо не хажившие. Селяне сказывали, печенеги Русь мучат, князь послал дружину воев собрать, тьмой¹⁵ спугнуть ворогов».

– А много их тамо, дружинников то, сынок, – Дюжен встревожился, он в растерянности нервно почёсывал седые космы на затылке и шмурыгал, тёр простуженный нос.

– У Микулиша во дворе узрел троих на конях, из избы вдовой бабки-знахарки выходил один, да возле торжища кружили двое, – старательно, с озабоченным видом, вспоминал Верхогляд.

– Эко, принесло их! – пробормотал старик.

– Ты муженёк любый погодь, в село не ходи, – ласково и задумчиво заговорила Гроздана, и гладила мужа по плечу и голове, шевелила и ерошила его светлые тонкие волосы, а он слушал и млел от ласки, которой жена его не баловала. – Заберут бить поганых и тамо ежели не ты, а они тебя одолеют и токмо вороны проведают, где лежат твои белы косточки. Мы с Желаной хворост да поделки отца и Ячменька отнесём на мену.

Все, кроме детей, мнение которых, естественно не спрашивали, согласились с Грозданой и решили, что ни Тугомыслу, ни Верхогляду в селение ходить не следует, а Дюжен и невесткам не советовал туда соваться, дружинники мол люди вольные, им никто кроме князя не указ, обидеть их могут. Гроздана на то отвечала: «Кто меня обидит – трёх дней не проживёт». И спокойно их уверила, что им в отличие от мужей опасаться не стоит, их на битву с печенегами не пошлют, а более им бояться нечего. Желана ей поддакивала. Дюжен хотел возразить, но вспомнил прежние похождения сестёр и догадался, чего они озаботились о мужьях и сами в село рвутся. А сыновья, что ж ежели они не понимают или не хотят уразуметь это, то он же свою голову вместо их не подставит. «Что жа идите, можа соли наменяете», – устало добавил он.

Весеннее яркое небо заплыло тучками, которые раздували свои волнистые сизоватые животики, чтобы потом где-нибудь пролиться дождём. Птицы неустанно гомонили, перебывая друг друга, будто торопились пересказать все новости за долгие месяцы разлуки. Осевший снег частично испарился, обнажив огромные куски земли, сквозь спрессованный

¹⁵ тьма – в данном случае имеется в виду численное превосходство

настил из опавших листьев и хвои торчали сухие былинки и потемневшая прошлогодняя трава, засыпанная старыми шишками и веточками, сломанными многочисленными набегами буйных ветров. Кое-где мрачно лежали под сероватыми снежными остатками поваленные деревья, некоторые из них упорно держались за почву, но большая часть их корней, будто сломанные руки и пальцы беспомощно тычут в воздух. Оторванных от земли ждало мучительное медленное истощение и обмертвение. Но где смерть, там и жизнь, и наоборот. Когда потеплеет, на коре поселятся мхи, а в древесине будут жить муравьи. А, когда через несколько лет погибшее дерево рассыплется в труху и перегниет и растворится в соках земли, оно войдёт в стволы новых молодых деревьев, и, давая им жизнь, будет жить вместе с ними, и так будет продолжаться пока тёплое дуновение Солнца касается Земли.

Гроздана и Желана прихорашивались, начистили свои медные украшения, и те словно горят в отсветах пламени лучины. Надели бусы из зеленого бисера, витые браслеты, к венцам¹⁶ поверх кики¹⁷ за крючки прицепили височные кольца и бубенцы на цепочке, по одному с каждой стороны и по шесть медных треугольничков в два яруса.

Гроздана спросила у сына, не провожал ли он Собимысла и Ждана до их землянки.

– Не, мы ходили вместе до роскresi¹⁸. Но я попытался было за ними пойти...

– Небось из-за Ягодки, – перебила его мать.

Ячменёк покраснел и утвердительно кивнул головой и продолжил.

– Пошёл по той тропке, что и они, да не поспел. Они на лыжах унеслись, а я дошёл опять до роскresti, и не успел узреть по какой из двух троп укатили.

– Что же ты сынок не попросился в гости. Они к нам ходят, а к себе не зовут.

Ячменёк смутился, потупился, но будто что-то вспомнив, оживился.

– Так они нам всегда приносят кули, да коробка! А мы что принесём? Их помощью и живём.

– Что ж без них мы померли б с голоду?!

– Можя и не померли, а пришлось бы худо, – уверенно ответил ей сын.

Дюжен не утерпел:

– Во Гроздана, слушай мальчика, его уста богам открыты.

Та хотела что-то ответить, но обычно молчаливый Тугомысл её опередил.

– Верно крепкое у них хозяйство, хотелось бы глянуть.

А Верхогляд добавил:

– Дивлюсь акы они сбегнуть успели с таким добром и скотиной?

Гроздана задумчиво молчала, потом изрекла:

– Собимысл – муж хитрый, Ждан не таков, – и почти шёпотом добавила. – На всяку хитрость найдётся другая...

Женщины собрались. Набросили на себя овчинные кожухи, завязали тёплые шерстяные платки, взвалили на спины небольшие вязанки хвороста, захватили коробка, в которые побросали детские игрушки. Дети боялись громко рыдать и потихоньку всхлипывали. Дюжен совестил сыновок, что у своих деток все игрушки отняли. Своевольничать начала Гроздана, быстро заткнувшая возразившего было ей мужа. Желана, как всегда старшей сестре поддакивала и последовала её примеру, отобрала у своей малышке её любимую игрушку деревянную курицу, которую вырезал для неё дед и он же приделал под брюшко курицы деревянные колеса на оси. Сладка и остальные девочки были в восторге и возили курицу по столу и по земляному полу. Теперь же Сладка горько плакала. На справедливые замечания свёкра Гроздана возмущёно отвечала:

¹⁶ венцы – металлическая пластина в виде обруча, который девушки и женщины одевали на голову

¹⁷ кика – головной убор замужней женщины

¹⁸ роскresь – раздвоение, развилка дорог

– Не ради своей забавы беру, а на мену на зерно и соль! Можя скажешь я виновата, что зверя не настреляли, что у нас нет кун¹⁹! А куклы – вы с Ячменьком ещё сотворити.

Плюнул Дюжен на сыновок, бестолку им объяснять, что слаб он уже и силой и глазами, заткнул за пояс топор и вышел вон. Вскоре за ним, ушли и женщины в село, унося в коробах кроме деревянной курицы свистульки, которые Дюжен слепил из глины, что накопал осенью в склоне большого оврага, да соломенные куклы, которые сплёл Ячменёк и деревянные куклы, которые выстругал дед со своим любимым помощником.

Все они предназначались для сестрёнок Ячменька, а теперь достанутся чужим ребятишкам.

Вернулся Дюжен и принялся строгать новую чурку, стараясь успокоить внучек, приговаривал:

– Не плачь Сладка и вы девоньки, новая кура станет краше прежней.

Потихоньку девочки успокоились, наблюдая, как отлетают стружки, и из деревянного бруска проявляется сначала изогнутая головка, потом шейка курицы.

А в это время семья Собимысла готовилась к празднику и встрече с соседями. Женщины каждый день откладывали для них яйца, пекли медовые хлеба, варили с хмелем мёд. А для дара водяным приготовили гуся и масло конопляное. Мужчины спешили поохотиться, пока у зверя не началась весенняя линька. Настреляли зайцев, белок, куниц,

лисиц, даже одного волка. Освеживали тушки и поделили шкурки, чтобы оставить себе и отнести на торг и в подарок соседям, а уж они сами решат, пустить их на одежду или обменять.

VI

Солнышко пригревает, вокруг птичий гомон. На брёвнышке у землянки сидит Дюжен и плетёт лапти из липового лыка. Рядом на пеньке расположился Ячменёк, он старательно плетёт из тонкой конопляной верёвки рыболовную сеть. Возле его ног дремлет подросток котёнок с полосатыми и чёрными пятнами. Вдруг он поднял голову, наострил уши и уставился куда-то в кусты, за которыми вьётся тропинка. Встревоженный кот насторожился и... зарычал. Дед и внук поняли, что кот учуял чужого, и внимательно посмотрели туда, куда напряжённо тот вглядывался. Вскоре они услышали, что кто-то идёт и не один. Когда же они увидели, то застыли на месте, а кот молниеносно умчался в кусты.

Крепкий вороной конь с лоснившейся шерстью с разукрашенной медными бляшками сбруей степенно перешагивал через корни деревьев, выпирающие из земли. Всадник с чёрно-седой бородой сидел важно, и не спеша осматривался. Коническая шапка с опушкой из собольего меха сдвинута набекрень и из-под неё торчат потные тёмные с проседью волосы. Из-за пояса полураспахнутого кожуха свисают с левой стороны нож и меч, а с правой – топор и сума'. Из-за его спины выглядывала довольная Гроздана. За первым последовал второй всадник на гнедой лошади, на крупе которой разместились улыбающаяся Желана. За ними вышла низкорослая кауряя лошадка с мощными лохматыми ногами, которая кроме дружинника была навьючена мешком и двумя коробами.

Ещё перед уходом Гроздана предупреждала мужа и деверя, что если к ночи она с сестрой не вернется, то им придётся заночевать в селе, а они на следующее утро пусть уходят в лес охотиться и до темна не возвращаются, потому, как есть вероятность, что за ними могут увязаться дружинники и потому лучше будет, коли они их тут не застанут. Ещё наказывала, чтобы озеру жертвы сами принесли, не дожидаясь соседей и подальше от условлен-

¹⁹ куна – первоначально шкура куницы, которая стала эквивалентом денег, а позднее и сами деньги

ного места встречи. Когда же стемнеет, и они возвратясь увидят лошадей возле землянки, то пусть снова уходят и ночуют в лесу и ждут когда дружинники уедут.

– Принимайте гостей, – весело крикнул чернявый дружинник.

Дюжен постарался унять волнение и как мог сдержанно ответил:

– Добрым людям рады.

Гроздана и Желана спрыгнули с лошадиных крупов и поспешили в землянку. Дружинники стали спешиваться, привязывать лошадей, снимать груз. Из их реплик и обращений друг к другу стало известно, как их зовут. Чернявого с темными глазами звали Черныш, видно он из троих был главным. Другого, что приехал на гнедой – Шумило, высокий и плотный здоровяк с большими и видно сильными руками, с пожелтевшей, некогда светло-русой бородой и усами. Он придирчиво всматривался большими серыми глазами в окружающие кусты и подлесок. Третьего звали Телепень, он моложе их, жидкая русая бородёнка совсем не шла к его молодому веснушчатому лицу. Вскоре Гроздана вернулась и пригласила дружинников пройти в землянку отдохнуть, и показала, куда отнести поклажу.

Когда за ними затворилась дверь, Дюжен сказал Ячменьку, чтоб тот бежал и разыскал отца и дядю и предупредил их о приезде дружинников и сам остался с ними, и добавил: «Твова мать каку то хитрость измыслила». А сам стал собираться к встрече с соседями, которая должна была состояться в этот день в полдень.

Друг за другом из землянки вышли дружинники. Шумило крикнул Дюжену:

– Сбираешься языческие требы справлять? Не ходи, мы с твоими сыновками управимся.

Дюжен заметил на его раскрытой груди на бечёвке оловянный крест.

– А ты грецкому богу молишься, акы я вижу.

– Мы с князем единой веры, а вы супротив, потому и в чаще схоронились.

– Мне по-новому жить поздно, да и дороги наши разные.

– Дороги мож и разные, да великий князь – один, – вставил Черныш. – И мы сполняем князеску волю.

Дюжен взял холщовый мешок и молча пошёл от них прочь.

Вышли из землянки женщины. Телепень помог им взобраться на лошадей позади Черныша и Шумилы, которые вскоре обогнали Дюжена и поскакали по дорожке, которую указывала им Гроздана. Старик встревожился, спрашивая себя, куда это они подались, и что было силы поспешил, но разве лошадей догонишь.

Откуда-то незаметно напоззли рыхлые серые тучи, слившись, они закутали небо в мгlistый саван, из которого стало накрапывать. Вокруг разлилась хмарь, и даже птичий гомон приумолк.

Собимысл и его семья шли к устью ручья. Вдруг низко и медленно возле них пролетел ворон, чуть не задев Собимысла широкими раскрытыми крыльями и хвостом-веером. В его полёте почему-то чудилось что-то таинственное и пугающее. Путникам он внушил какой-то необъяснимый трепет. Собимысл приостановился и остальные тоже...

У него мелькнула мысль «Не Дый²⁰ ли в личине ворона упреждает о беде?» Потом он глянул на внучку. Ягодка выжидающе смотрела на деда, ожидая, что он скажет. Собимысл знал, что она ждёт – не дожждётся, чтоб повидать Ячменька, как и тот её. Ради их радости они и шли. И он пошёл дальше, за ним его родные.

Знакомая тропинка стала труднопроходимой. Из земли круто выпирали корни, которые приходилось перепрыгивать или обходить, ветки кустов цеплялись за одежду, ветки деревьев похоже опустились и опутывали путников сверху. Иногда пелена туч разрывалась и каждый раз появившееся солнце выглядывало сквозь кроны и стволы деревьев и светило прямо

²⁰ Дый – одно из воплощений бога Сварога, он мог предупреждать о скорой смерти

в глаза, отчего виден был лишь сверкающий диск, а вокруг всё исчезало в лучистой сероватой мгле.

Собимысл, несмотря на тягостное предчувствие, но верный своему обещанию упрямо шёл дальше. За ним шли остальные, удивляясь и в глубине души страшась такой перемене в уже изведенном лесу.

Когда они приблизились к ручью, на противоположном берегу уже стояли Гроздана и Желана, которые сообщили, что мужья и дети расхворались, да и Дюжен занемог, просил, чтоб Собимысл и Ждан простились с ним.

Ждан обломил большую жердину и с разбега упёрся одним её концом о землю, перескочил ручей, обычно не широкий, но сейчас, впитавший в себя окрестные снега и едва удерживающийся, чтоб не перелиться поверх своих берегов. Перепрыгнув, Ждан бросил жердину Собимыслу, который перебрался также. И в это время птицы, которые ещё раньше затихли, надсадно закричали. Только они отошли от ручья, чтоб идти проведать болящих, как из-за кустов и молодых ёлок выехали три всадника и окружили их. На том берегу Мирослава и Благуша охнули и замерли от страха. А Собимысл и Ждан стали друг к другу спинами, вытащили ножи и приготовились к отпору.

– Лиходейки, пошто заманили нас?! – крикнул Собимысл, обращаясь к Гроздане и Желане, которые спрятались за лошадей и пятась отходили подальше от мужчин.

– Спрячьте ножи, мы не тати, – сказал Черныш, – службу треба князю сослужить.

Но Собимысл и Ждан, помня какое было разорение Новгороду от княжеских дружинников, не верили их словам. Они подумали, что теперь и до них дошёл черёд, и решили, что старую веру у них отнимут вместе с жизнью. «Видно не зря Дый-ворон упреждал», вспомнил Собимысл.

Ясный день с утра превратился в серый и мглистый. Шёл дождь затяжной и нудный.

Дружинники как ни старались никак не могли подступиться к отцу и сыну и стали уже злиться. Шумило всё же как-то изловчился и ухватился за левую руку Собимысла, попытался его обезоружить, но тот отчаянно, вырываясь, полоснул ножом, разрезав не только кожу, но и задел левый бок дружинника. Выступила кровь. Возмущённый Шумило заорал:

– Князева воя резанул! Ах ты ... – и бросился на Собимысла с топором.

До этого дружинники старались не ранить их, ведь им нужны здоровые мужчины для борьбы с печенегами, но упрямое сопротивление разозлило. Азарт и привычное первенство в бою захлестнули. Шумило извернулся и ударил обухом топора Собимысла меж лопаток. Тот вскрикнул, ноги его подкосились, и он осел на землю. На противоположном берегу закричали, заголосили Мирослава, Благуша и Ягодка. Ждан было бросился к отцу, но дружинники улучили момент, воспользовались его замешательством и с криком «вяжи» набросились. Как ни вырывался Ждан, окрутили его верёвкой.

Гроздана и Желана испугались и убежали.

Черныш с бранью подошёл к Шумиле, который склонился над Собимыслом.

– Шальной, пошто тако сильно вдарил!

– Разозлил он меня, вот я со всей силы и заехал, – пролепетал тот.

– Голова не токмо шапку носить. Хребет перебил ему. Примучил мужа зазря. Бери его, отвезем домой. Телепень, веди парня, покажет дорогу, да и проститься.

Ждан давился рыданиями. Женщины голосили, оглашая округу воплями. Из чащи вышел Дюжен, увидел связанного Ждана, беспомощного Собимысла, которого двое дружинников вваливали на круп вороного коня. С криком: «Треклятые лиходеи!» бросился на них. Черныш виновато заговорил с ним.

– Мы не хотели, отец, они надобны были нам живые и здоровые.

Дюжен видел по лицам, что дружинники действительно сожалеют о случившейся беде, и больше на них не ругался. А те посадили Ждана на каурую лошадь, на неё же взобрался

и Телепень. Дюжен отказался от предложения перевезти его через ручей и вошёл в воду, которая сейчас доходила ему по пояс. Горько горюя о пострадавшем соседе, Дюжен не замечал обжигающего холода.

Женщины и Ягодка побежали к Собимыслу. Благуша с дочкой метались, то к связанному Ждану, то к беспомощному и стонавшему.

Солнце сквозь облачную дымку освещало утоптанную тропинку. На ней уже не выпирали корни и ветки не цеплялись, и лишь по бокам от неё из незаметных трещинок в коре слезами струился сок на берёзах и вязко капала смола на соснах и елях. Где-то среди ветвей печальными колокольчиками тихо трезвонили птицы.

Наконец пришли, дружинники внесли Собимысла в землянку. Черныш и остальные сняли шапки.

– Ежели смогёшь прости нас. И вы хозяйки простите, мы зла не хотели ему чинить. А второго забираем, у нас на то княжеска воля. В битву он пойдёт с печенегам.

Благуша всхлипывая бросилась на шею мужа.

Ягодка толком не понимала, что происходит, но осознавала, что случилось что-то очень плохое, и от этого ей было не по себе, даже подташнивало. Она, как и её мать и бабушка плакала взахлёб, и этот совместный их плач, и вид чуть живого деда, и растерянного связанного отца пугал её до колик в груди.

Дюжен бормотал: «Лиходейки треклятые! Не вернусь! В чаще стану жить, а к вам не вернусь!»

Дружинники подождали пока родные простятся, потом уехали и увезли Ждана. Женщины и девочка утирая слёзы, принялись ухаживать за стонущим Собимыслом, им помогал старик.

К вечеру у Дюжена начался жар, женщины уговорили его не уходить, и остаться у них.

Всю ночь ни Мирослава, ни Благуша не сомкнули глаз, пытаясь хоть как-то унять боль и вернуть силы Собимыслу. Они смазывали целебной мазью не только место ушиба, но и весь позвоночник. Понемногу поили его настоями лечебных трав, а есть он уже не мог, и часто терял сознание. А когда приходил в себя, силился что-то сказать или спросить, но язык ему не повиновался, он лишь мычал и стонал. Мирослава пробовала угадать, и всё что знала, рассказывала. По интонации стонов на её слова, она понимала, что он страдает, и за сына, и за них и негодует на злыдней, которыми оказались невестки Дюжена. Беспомощно смотрел Собимысл на плачущую жену и невестку, на заплаканное личико внучки, на сморщенное и мокрое от слёз – старика, который то и дело утирался и сморкался. Ему хотелось обнять их на прощание, но он не мог шевельнуть даже пальцем.

На следующее утро прерывистое дыхание Собимысла стихло. Вой и плач поднялся в землянке с новой силой. Мирославе жить не хотелось, она просила Благушу и Дюжена сжечь её вместе с телом мужа. Они убеждали, уговаривали её, чтоб не покидала их, не делала сиротами сына и сыновку, как же они с малышкой останутся одни. И Мирослава будто очнулась, ради внучки она смирилась, что вынуждена ещё жить.

Невдалеке от землянки насыпали невысокий холм над пеплом Собимысла. Поднялся ветер, и стройные сосны и старые дубы заскрипели и заскрежетали на разные лады, будто горестно охали и стонали.

Ослабевший Дюжен слёг весь в жару. Благуша побежала искать Ячменька, чтобы ему всё рассказать. Она заметила его недалеко от землянки, в которую только что вошла Гроздана. Он сидел на брёвнышке и доплетал лапоть деда. Благуша позвала его и передала, что сама знала. Мальчик вспыхнул и решил уйти из дома.

– Дюжен остался у нас, и ты можешь жить с нами. Деда одолела лихорадка, зовёт тебя. Мирослава даёт ему настои трав. Авось боги смилуются и он поправится.

– Я к вам уйду насовсем. Токмо с сестрѣнками прощусь, – и Ячменѣк побежал в землянку.

Вскоре он выбежал оттуда как ошпаренный. За ним гналась Гроздана и кричала вслед:

– Всѣ одно споймаю! Всѣ одно дознаюсь, где они обретаются! Жалеть станешь!

Крики её затихали, потому что Ячменѣк с Благушей отбежали всѣ дальше и дальше.

Часть третья. Дорога

I

Сквозь птичий гомон, похожий на плач, раздаётся хруст, это кони наступают на валежник. Ждан покачивается на крупе за спиной Телепня и частенько бросает взгляды на рукоять его меча, который маячит возле пояса дружинника слева. Ему очень хочется схватить и махнуть на обидчиков, но руки его связаны. А может всё это сон, страшный, кошмарный сон? Он проснётся и примется хлопотать по хозяйству, а рядом его семья, его родные и здоровый отец! И даже крепкие верёвки, что врезались в кожу тоже сон? Трудно осознать свалившуюся беду, но беда всегда внезапна. И, обманывая себя, время не повернёшь назад. Порой действительность бывает ужасней любого сна. Потеря близких и любимых людей, да ещё подневолье, что может быть хуже?!

Он с возмущением думал, зачем ему словену с новгородской земли идти на подмогу русам и полянам, мало им что ль дани, ещё и воев подавай.

– Пошто насильно гоните в землю руськую? С какой надобности? – проворчал Ждан.

– Ты холоп радуйся, что на княжеску службу взят, – обернулся к нему Черныш, ехавший впереди. – Дале своего носа не видишь, а Великий князь Володимир весь славянский люд обозревает, о всех озабочен. Печенеги покоя не дают, а сколько их в степи неведомо. Вдруг они нагрянут тьмой необъятной, и ни селище, ни город, ни племя в отдельности не смогёт им противостоять. Вот и собираем добрый люд, чтоб не токмо землю руськую, а всех славян вокруг Руси оборонить. Новгородская земля подвластна великому князю киевскому, в Новгород он отправляет наместником старшего сына. Нам мир с печенегам нужен, а чтоб его добиться, надо их победить, для того и сила большая нужна, а она в таких как ты таится. Вот мы эту силушку и собираем.

Ждану вопреки здравому смыслу хотелось верить, что отец поправится, что они опять будут жить как прежде. Но в то же время он чувствовал и понимал, что отец очень, очень скоро уйдёт в Ирий-сад²¹, что никогда они не свидятся, уж не услышать ему боле отцовских советов. Ох, как охота Ждану вернуться туда, во вновь обретённый дом, сесть подле отца, ведь тому тяжелее и от того, что сына увели неведомо куда и неизвестно, что с ним станет. Каково матери? Мужа на глазах прибили, думал Ждан и доведётся ли ей свидеться с сыном? А Благуша? Милая его жёнка, она третий месяц носит в себе их второго ребёнка. Суждено ли тому узнать отца? А малышка Ягодка?! Ах, горемычные, каково им, всё хозяйство на их руках. Кто ж им поможет? Ох, беда, беда, от одной ушли, а другая нагрянула!

Думал Ждан и о побеге и о мести непутёвым сыновкам Дюжена. Прикидывал, да смекал. Чуть не предпринял отчаянной попытки сбежать, но вовремя одумался – куда ему уйти от троих конных дружинников. Да и как он отомстит лиходейкам, не лишать же детей их матерей, не оставлять же сиротами. Не гоже множить зло!

А как же ему быть? Дружинники сказывали, что собирают мужей со всех земель подвластных князю киевскому, чтоб дать отпор печенегам. Видал их Ждан на торжищах в Новгороде. Скот продавали, шкуры овечьи и коровьи, оружие меняли. Лошади крепкие у них. Любовался тогда Ждан бляшками на лошадиной сбруе и уздечках, медными, особенно хороши серебряные и золотые. До чего искусна работа! Хоть и хитры и ловки печенеги, да не страшны ему.

²¹ Ирий-сад – рай у восточных славян

Кого он только на торжищах не видел: и важных греческих²² купцов, торговавших пурпурными и разноцветными полупрозрачными материями, льстивых иудеев, скупающих рабов²³, смуглых волооких арабов, которые предлагали жгучий перец и расплачивались тонкими серебряными дисками с грецкий орех с выбитыми на них письменами – дирхемами.

Слышал Ждан, что с русами в союзе были печенеги, на Греческое царство²⁴ вместе ходили. А теперь почему-то лютуют, терзают тиверцев и уличей, киевские земли грабят.

Будто ветка на ветру, куда подует, туда и гнётся. Если так, то, кто же у печенегов за место ветра? Так что же решил Ждан, пока ехал? А решил он живым остаться, для того чтобы к семье вернуться. Стало быть, надлежит ему смириться, что он теперь на княжеской службе, и должен её нести исправно. Всё примечать, да на ус мотать, чтоб ловчей с противником совладать.

Ехали они лесом, лугом, близ болот дорога шла, потом снова лесом, и лугом. И дружинники и Ждан были погружены в свои думы и не заметили, как серо-сизые тучи сложились в громадное лицо, от горизонта до зенита. Огромные тёмно-сизые глаза следили за передвижением путников.

Наконец, они прибыли в Новгород. Ждан много раз бывал здесь с отцом. И город вновь напомнил ему о безвозвратной утрате. Скорбь снова сдавила его душу. Изменения в Новгороде ещё больше опечалили его, несмотря на то, что на месте многих пожарищ уже строили новые бревенчатые дома. Он помнил красоту капищ и храмов богам и величие идолов, которые располагались не только в каждом конце Новгорода, но и почти на каждой улице. Идолов простыл след, они сброшены в Волхов. Искусная резьба на стенах храмов, если они не обгорели, изрублена, купола проломлены, колокола низвергнуты и расколотые валяются в небрежении возле остатков некогда высоких колоколен. Уже им не звонить, не прославлять ни Дажьбога, ни Сварога, ни Макошь, ни славить духов предков, ни умилоствовать духов природы. Красота и гордость не только Новгорода, но и всей земли Словенской искромсана, сожжена, покрылась сажей, поросла мхом, а ведь недавно храмами и капищами любовались торговые гости, не только печенеги замирали от восторга, но и арабы, иудеи, и греки. От увиденного у Ждана стало на душе ещё тяжелее, ему казалось, что с прекращением служению богам предков и сам Новгород сгинет, не простят великие боги такой разор.

Во вновь отстроенный, ещё пахнувший сосной постоялый двор набилось полно народа – дружинники и те, кого они нашли на подмогу киевскому войску. Некоторые из них смирились со своей участью, а большинству было любопытно посмотреть другие земли, кто-то хотел помериться силой, были и такие, что не прочь поискать лучшей доли в ратном деле.

К ночи дорожная усталость утихомирила всех. Ждан долго не спал, всё думал, потом всё же и он ушёл в царство сна. К рассвету разразилась гроза. На удивление гром не громахал, как обычно оглушительно, а слабо рокотал, будто боялся разбудить людей. Зато тихая молния била и била по городу. Ждану приснилось, что горит их землянка в лесу. Ягодка плачет возле хлеба. Дюжен и Ячменёк вытащили Благушу и Мирославу, но мать снова бросилась в землянку, где остался Собимысл. Пламя охватило дверь и крышу... Ждан с сильно бьющимся сердцем проснулся в ужасе и ... почувствовал дым...

Когда рассвело, пожар потушили. Сгорела часть кровли и обгорела одна стена. Ни дружинники христиане, ни новобранцы не пострадали, только перемазались копотью. На удивление в городе ничего не сгорело, только возле нескольких церквей обожгло траву.

²² греческих – византийских

²³ иудеи монополизировали торговлю рабами

²⁴ Греческое царство – Византия.

К полудню мерно зацокали по деревянным мостовым Новгорода копыта лошадей дружинников и затопали сотни ног, обутые в лапти и сапоги. В пригороде новобранцы разместились на санях, их путь лежал на юг.

II

Мирослава также как и Благуша и Дюжен была уверена, что душа Собимысла теперь обитает в Ирий-саде, в заоблачной выси, где всегда тепло и солнечно, где праведные души блаженствуют. Но как же ей не хватало его! Да ещё жгла неизвестность о Ждане. С того часа, как его увезли с собой дружинники не покидало её ощущение, что не встретиться, не свидеться им больше. Гнала она от себя эти мысли, но тягостное предчувствие оставалось. Кабы не Благуша с Ягодкой, может бросилась бы в озеро от тоски чёрной, которая грызла её и, ни днём, ни ночью от неё покоя нет. И, несмотря на то, что рядом люди, которых Мирослава любит, пусто у неё внутри и кажется, что и вокруг пусто. Как будто она осталась одна-однёненька, даже не одна, а только её небольшая частичка, состоящая из боли. Большая же её часть исчезла, истаяла вместе с покинувшим её мужем и уехавшем сыном. Мирослава знала, что душевные раны лечит время, но пока оно будет проходить, она истомится, изведётся. Да и кого оно вылечит, если от неё почти ничего не осталось, только телесная оболочка, а внутри неё в пустоте мечется кручина. И всё же сквозь неё просачивались утешения и поддержка близких, невольно напоминая ей, что не только она горюет. Собимысл и Мирослава заменили Благуше умерших родителей, так что теперь, считай, она потеряла второго отца, и с мужем, когда встретятся, да и встретятся ли. И Ягодка лишилась любимого деда и осталась неизвестно насколько без отца, и Дюжен потерял добрых мужей-друзей, а Ячменёк уважаемых наставников. Конечно, их боль иная, как бы им не было худо, и они понимали, что Мирославе тяжелее, но беда всё же общая. Горевали все, и все сочувствовали Мирославе.

В отличие от свекрови Благуша была уверена, что Ждан вернётся, и горячо убеждала в этом Мирославу, на что та удивлённо смотрела и всякий раз приговаривала: «Да услышат тебя, дочка боги». Дюжен не совсем разделял уверенность Благуши, но чтобы не огорчать её и детей, Ягодку и Ячменька, которых она быстро убедила в возвращении Ждана, старался ей поддакивать.

Ячменёк иногда подбирался к землянке, где остались его родные, но прятался по-прежнему от взрослых, опасаясь, что они его схватят, а потом уже не отпустят к деду и Ягодке, а если и удастся убежать, то боялся, что за ним придут к Мирославе и Благуше. Ячменёк приходил не с пустыми руками, приносил игрушки для сестрёнок, вырезанные Дюженном или им самим. Бывали гостинцы и другого рода: бобёр, что дед подкараулил или утка, что подстрелил, птичьи яйца, что Ячменёк собрал, краюха хлеба, что испекла Благуша, рыба, что он поймал в реке или озере. Всё это бывало мальчик оставлял рядом с землянкой или, если видел, кого из девочек передавал им, выпрашивая про их жизнь-бытьё. А жили они впроголодь. Гроздана и Желанна часто ругались с мужьями, прогоняли их в лес за добычей, но тем редко удавалось кого-нибудь подстрелить, то стрелы ломались, то улетали мимо цели. Игрушки, которые приносил Ячменёк сёстрам быстро покидали землянку, на них женщины, как и раньше меняли в ближайшем селе зерно и репу. Практически это был основной их источник пропитания. Ячменек и Дюжен, жалея девочек, как могли помогали им.

Как-то блуждая по лесу дед с внуком набрали на выводок поросят с кабанихой. С опытом Дюжена и ловкостью Ячменька удалось избежать мести разъярённой кабанихи и заловить поросёнка. Потом его половину мальчик передал Неже, которую окликнул недалеко от землянки родителей.

Ячменёк всё думал, как помочь сёстрам, как сделать больше игрушек? И он, и дед улучали время от хозяйственных хлопот, чтобы их вырезать, но, несмотря на умение, быстро

не выходило. И вот однажды взгляд Ячменька упал на глиняную миску, что стояла с молоком у печи, и вспомнил, что когда-то давно у него была глиняная игрушка-свистулька. Не попробовать ли ему слепить из глины что-нибудь? Ячменёк поделился своей идеей с дедом, и тот, как часто бывало, поддержал внука. С того времени они стали искать подходящую глину.

На высоком склоне крутого оврага росли стройные и высокие сосны. Но их корни устрашающе выпирали и зависали в воздухе. С каждым годом они слабее и слабее держались за землю, которая в прямом смысле постепенно утекала из-под них вместе с дождём. Злая Непогода, будто решила прикончить дни, хотя бы одной из них. Холодный и сильный северо-восточный ветер обрушился на лес. Скрипели и кряхтели стволы, трепыхались в испуге ветки. Под шквальным напором пышные кроны гнулись в разные стороны. И хрясь. Будто подкошенная одна из сосен стала заваливаться. Всё ниже и ниже. Со стоном упала поверженная, прослезилось смолой, беспомощно распласталась, тихо умирая.

– Ой, глянь внучек, что сотворил ураган, кака красавица пала! – Дюжен подошёл к поваленной сосне, погладил её шершавую кору.

– Иголки зелёные и не опали, – добавил Ячменёк. – Какая длина! – он прошёлся вдоль ствола. – Смотри дед, може глина та?

Дюжен подошёл к внуку, который присел и ковырял палкой под торчащими корнями сосны. Глина была светлая, он попробовал слепить влажный комок. «Пойдёт», – сказал дед.

Под умелыми пальцами деда и быстрыми и ловкими внука куски глины, смоченные водой превращались в лошадок, собачек, козчиков и медведей. Тоненькими и острыми палочками они наносили чёрточки и маленькие извилинки, изображая шерсть Прокалённые в печи, игрушки становились твёрдыми и крепкими.

Изготовление глиняных игрушек не обошлось без участия Ягодки, которая с удовольствием подражала Ячменьку и Дюжену. Благуша заразилась этим увлечением, и в свободные минутки пыталась кого-нибудь слепить. А иногда даже Мирослава присоединялась к ним.

От зверюшек Ячменёк перешёл на изображение людей, и ему хотелось как-то раскрасить их лица и одежду. Но чем он не знал. Однажды сильный дождь застал его, когда он шёл по дну оврага. Рыжая глина, растворенная водой стекала со склонов и ручейками струилась по дну. Ячменек несколько раз падал на скользкой земле, запачкал в глину светлые льняные порты. Потом, очищая их, Ячменек обратил внимание, что глина оставила пятна, но при стирке мыльным корнем мыльнянки они исчезли. И он решил попробовать раскрасить игрушки рыжей глиной, растворенной в воде. Долго пришлось Ячменьку повозиться пока, наконец, он добился, что глиняная краска не смывалась, то есть игрушку с нанесённой краской надо было поддержать в печи. Теперь светлые фигурки мужчин и женщин приобрели рыже-коричневые глаза, нос, рот и волосы, а их рубахи украсились волнами, что означало воду, крапинками – зерно и знаками солнцеворота.

Ячменьку хотелось делать свистульки, но он опять же, не знал как. На помощь пришли дед и Мирослава, хотя они сами и не умели делать, но объяснили ему, как она устроена. Первую свистульку Ячменька можно было бы назвать «громыхало». То ли он шарик глиняный сделал большой, который помешался в пустую полость свистульки и под напором воздуха изо рта бился и вибрировал со свистом. То ли полость внутри игрушки оказалась с извилинами, не понятно, только она не свистела, а погромыхивыла. Немало труда и усилий пришлось затратить Ячменьку, пока созданная им игрушка смогла свистеть. Но упорный и неуёмный Ячменёк достигнув желаемого, не остановился. Он теперь так старался делать свистульки, чтобы они свистели по-разному.

Игрушек лесная артель налепила множество. Периодически обитатели другой землянки обнаруживали поблизости лукошко, а вместо грибов там красовались игрушки и свистульки. Благодаря этим дарам жизнь их стала сытнее, потому что эти поделки раскупались быстро. Да и девочкам матери разрешили оставить полюбившиеся им игрушки.

Ячменек и Ягодка были почти всегда неразлучны, вместе кормили и пасти скот и птиц, вместе ловили рыбу, вместе таскали глину, вместе лепили и раскрашивали. Иногда они спорили и даже ссорились, но быстро мирились.

Лосёнок, которого когда-то приютили и вылечили, подрос, и дети и взрослые отвели его в лес подальше от землянки, чтобы он начал жить самостоятельно без людей. Уже листва покрывала кусты и деревья и ему есть, чем поживиться.

Благуша со своей верой в возвращение, пусть даже нескорое, Ждана, стала поддержкой для всех. Первое время после разразившейся беды она плакала от горя, но потом старалась, чтобы её слёз не видели, чтобы Печаль, Тоска и Отчаяние не обосновались у них, как хозяева, чтобы Надежда, Вера, Любовь и Радость снова поселились с ними. Лишь иногда ночью еле слышные всхлипывания доносились до Мирославы, когда кручина прогоняла у неё сон.

Наконец, тошнота, которая мучила Благушу несколько месяцев, отступила. А то от вида и запаха варева её мучило, а есть ведь надо. Насилу проглотит что-нибудь, а оно тут же норовит выскочить обратно. Перетерпела. И уже ощущала внутри себя растущее дитя. В животе билась другая жизнь! Как это странно и удивительно! Невидимые частички её и Ждана слились и породят нового человека. И будет у Ягодки братик, как утверждает Мирослава. Каким он станет? Но его надо ещё выносить девять долгих и мучительных месяцев! А потом роды... страх и боль придут потом, потом и уйдут. Пока лучше об этом не думать. Надо жить, растить детей и ждать мужа. Так рассуждала Благуша.

Мирослава целиком поглощена заботой о внучке и сыновке. Как могла оберегала Благушу от тяжёлой работы, сама всё больше погружалась в хозяйственные тяготы. Мирослава с грустью бросала взгляды на стволы, срубленные Собимыслом. Не построить уж из них просторный и светлый дом. Оказалось, зря сгубил деревья, так и сгниют без пользы.

Благуша возражала.

– Ждан вернётся и построим, самим нам верно не совладать.

Мирослава печально вздохнула, нет у неё той веры, что была у Благуши. Отчего так? Она словно вслушивалась в себя. Нет. Далёк сын. Так далёк, что нет сил дотянуться до него. Даже более того, будто что-то прервалось между ними. Она чувствует... Но что? Неведом узор на полотне судьбы, который ткуют боги.

– Ежели возвратится Ждан, то брёвна уж будут не годны. Сожжём их. Принесём в жертву Мать-Сырой Земле, и они помогут родить жито.

Мирослава загорелась выкорчевывать пни, которые остались после рубки. Надо же посеять зерно и репу. Откапывали пни все, даже Ячменёк и Ягодка. Длинные и тонкие корни, уходившие очень глубоко, обрубали. Яма вокруг пня образовывалась большая, толстые и крепкие корни угрожающе торчали в разные стороны, но бессильны они, больше не питать им дерево соками земли. Но их смерть принесёт жизнь другим. Теперь пока корни сохнут, люди принялись обкапывать следующий пенёк.

Однажды, Благуша с Ячменьком и Дюженом были на торжище в Суходоле, самом ближнем к ним селе, куда частенько ходили не только они, а и сыновья, но чаще невестки Дюжена, откуда и дружинников-русов привели, оставших от своей ватаги и заблудившихся в Новгородской земле. Благуша, Ячменёк и Дюжен привезли для меня игрушки, свистульки, а также шкурки двух куниц и четырёх белок чтобы за них получить репу и зерно, просо или жито. Как всегда они обратились к Тихораду, местному торговому человеку, степенному и не любопытному. И не ведали отшельники, что давно у Тихорада поджидает Благушу одна вещица... весточка от Ждана. Счастливая, со слезами радости в сияющих глазах Благуша взяла дар Доли²⁵, она знала, что судьба пожалеет, смилостивится. И вот дошло до неё послание любимого мужа! На липовой дощечке нацарапаны черты и резы, которые означали вот

²⁵ Доля – дух-покровитель человека.

что: ОТ ЖДАНА ТИХОРАДУ ДЛЯ ЖЕНЫ БЛАГУШИ ЖИВ ЗДОРОВ ПИШУ ИЗ ПСКОВА ИДЕМ СЛУЖИТЬ КНЯЗЮ КИЕВСКОМУ ВОЛОДИМЕРУ ИДЕМ ЧЕРЕЗ ЗЕМЛИ КРИВИЧЕЙ К СЕВЕРЯНАМ ПИШИ КАКО ВЫ ТАМО ЖИВЕТЕ ПИШИ В ЧЕРНИГОВ ВОЕВОДЕ ЧЕРНЫШУ ДЛЯ МУЖА ЖДАНА ПОКЛОН МАТИ И ЯГОДКЕ ТАКЖЕ ДЮЖЕНУ И ЯЧМЕНЬКУ

Ликованию Ячменька не было предела, вот возрадуется Мирослава и Ягодка! Проследился на радости и Дюжен и, глядя на них, жена и дочка Тихорада, а сам он улыбался довольный доброй услугой.

– Не забудь ответ написать. Вот вам кусок бересты и писало, – сказал он.

Благуша, вытирая слёзы и счастливо улыбаясь, схватила бересту и писало и спешно, будто ей могли вскорости помешать. Она начертала, а умеющие читать эти резы и черты могли понять:

ВОЕВОДЕ ЧЫРНЫШУ ДЛЯ МУЖА ЖДАНА ОТ ЖЕНЫ БЛАГУШИ РАДЫ ЧТО ЖИВ ТЫ А ТО ИСТОСКОВАЛИСЬ НЕЗНАЮЧИ ГОРЕЗЛОСЧАСТИЕ НЕ ОБОШЛО НАС РОДИТЕЛЬ СОБИМЫСЛ УШЕЛ В ИРИЙСАД МАТЕ ГОРЮЕТ РАБОТОЙ ИЗНУРЯЕТ КРУЧИНУ ПРИТОМЛЯЕТ О ТЕБЕ СТРАДАЕТ ЯГОДКА ЗДОРОВА ПОРОЙ СКУЧАЕТ С НАМИ ЖИВУТ ДЮЖЕН И ЯЧМЕНЕК ПОМОГАЮТ ИЗРЯДНО ИГРУШКИ ЛЕПЯТ ПНИ ПОД ПАШНЮ КОРЧУЕМ СЕЯТЬ ХОТИМ ДОБРЫЙ ПОКЛОН ОТ ДЮЖЕНА И ЯЧМЕНЬКА ЖДЕМ ТЕБЯ СОКОЛА РОДИМОГО ПОКЛОН МИЛОМУ МУЖУ ДОБРОГО

ЗДОРОВЬЯ ОТ МАТИ

Каково облегчение для Мирославы! Жив, жив её сынок! А она сомневалась... Или ещё ждут его напасти? Что будет дальше? Что ему припасла Доля? Опасения за будущее Ждана теснили грудь, какая-то необъяснимая тихая обреченность поселилась в её душе.

Весна уже шелестела листвой. Птицы гомонили, суетились, на их попечении вечно голодные детки. Среди травы белели крохотные колокольчики на тоненьких стебельках, которые женщины и Ягодка собирали по утрам. И землянку наполнял изумительный запах, исходивший от пучков ландыша, подвешенных под потолком. Отвар этих нежных целебных цветков помогал при лихорадке, бессоннице, унимал раздражение, лечил больное сердце. По вечерам по просьбе Ягодки Мирослава в который раз рассказывала легенду, которую слышала ещё от своей бабушки.

– Жила-была Морская княгиня Волхова, нравилось ей нежится на зелёной травке под тёплыми Ярилиными лучами. И однажды приметила на берегу Садко, пригожего молодца. Полюбился он ей. Позвала она его к себе в Подводное княжество, злата и серебра сулила, сказывала, что никогда он нужды не узнает, а любые его желания и она и служки её исполнять станут. Не польстился Садко на богатство и на долю безбедную. Верен остался своей суженой, просил Волхову отпустить его к невесте, к Любаве, внучке духов полей и сестре духов лесов. Как ни пригожа Волхова, а сердце Садко не откликнулось, любя ему лишь милая Любава. Опечалилась Волхова. Истомилась. В горьком плаче бродила она по берегу. Поклялась боле не выходить из морской пучины. А там, куда упали её слезинки, выросла трава, но ядовиты её корни и листья, и даже нежные и красивые, как и Волхова, цветы. Когда же приходила пора наливаться плодам соком, то и они напитывались ядом слёз несчастной Волховы и краснели, будто вобрали и её кровь. Но потомки Любавы и Садко, ведущие тайнами лесов и полей научились использовать этот яд не на погибель, а на пользу людям.

Мирослава спешила корчевать пни, приближалось время сева, и она ушла в работу, вставала раньше, а ложилась позже всех. Насущная забота отвлекала от неизбывной печали. Отстраняя беременную Благушу, она силилась за двоих. Большею частью Мирослава и Дюжен расшатывали подсохшие пни, а уж вытаскивать их из ямы приходилось с помощью Краюхи. Лошадка набралась силы от молодой сочной травы, которой было вокруг в изоби-

лии. И не перенапрягаясь, направляемая людьми, ловко вытаскивала огромные пни с корнями, похожими на гигантские руки, цепляющиеся за землю и не желающие покидать родимое местечко.

Наконец, участок леса освободился от пней, но оставались ещё кусты и подлесок. Надо и их вырубать и выкорчевывать.

И вот небольшое поле очистили, но оно всё в рытвинах и глубоких ямах. Пришлось их закапывать. Выровняли, распахали поле, и здесь выручила Краюха. Пни, свезённые в одну кучу на поле сожгли. Сгорели и срубленные ещё зимой деревья. Высоко взвились эти два костра, но не выше самых высоких вершин сосен, из-за леса не видать. Ещё тёплый пепел набирали в короба, да рассыпали по вспаханной земле, приговаривая, чтобы Мать-Сыра Земля приняла обратно свои детища.

В ясно-голубое утро, когда роса не успела высохнуть вышли все из землянки. Мирослава, Благуша, Дюжен, Ягодка и Ячменёк стали перед тёмным полем. Поклонились Мать-Сырой Земле, пропели молитву ей. Первой шагнула Мирослава, она зачерпнула горсть зерна из берестяного короба, что висел на конопляной верёвке на груди и бросила в рыхлую землю, шепча и умоляя её взять семена и быть плодovитой, упрашивала не обидеть детей своих, наградить хорошим урожаем. С той же мольбой вступила на поле Благуша, потом Дюжен, а после настала очередь Ячменька и Ягодки. Сеяли, засевали поле, с великими трудами созданное своими руками. И будет ценен и дорог им хлеб из зерна, которое они вырастят. Каждое зёрнышко станут беречь, не бросят и крошки хлеба. Труд и бережливость поможет им выжить, хотя быть может и не всем.

III

Широкие полозья саней плавно катятся по снежной каше, приминая зелено-бурую прошлогоднюю траву. В каждом из саней по десятку, а то и больше будущих воев земли русской. Сани легко скользят по вешней воде, которую земля не успела впитать. Хлюп-хлоп-тресь-хрясь-хлюп слышится вдоль наезженной дороги.

«Ночью косорукий Ветряной муж в изодранном колпаке пригнал с полуночной стороны²⁶ серые пузатые тучи. Осыпали они снегом округу и уползли. По утру румяный юный Ярило вскарабкался на купол голубого шатра. И закапал дождик при ясном небе. То не чудо чудесное, то Ярило молодой обзревает владения и под жарким его взглядом истаявают снеговые охапки на густых лапах ёлок и сосен. Засеребрились струи в мареве, засверкали огоньками капли, застрявшие меж хвоинок и обволакивающие каждую почку на мокрых блестящих ветках. Краше бисера горят. И верно, разве может творение человеков сравниться с твореньем богов...» Песня гусяра-кошунника²⁷ раздавалась из середины длинной вереницы саней.

Громкий и душевный голос вместе со звонкой бодрящей мелодией разливался над дорогой. Гусяр восхитился красотой и свежестью начинающегося дня, соединением зимы и весны, явной победой последней и не смог не поделиться впечатлениями и ощущениями с другими, обратить внимание тех, кто, быть может, не заметил удивительной красоты этого весеннего утра.

Зима не любит сразу отступать и несколько дней дул студёный ветер, мороз то крепчал, то слабел, снова припорошило снегом. И молодцы решили задобрить Морозко. Уж, если вернул Зиму, то лучше сейчас, а не потом, когда начнётся пахота или, ещё хуже, когда пойдут всходы. Сварили кутью из ржи с мёдом и вылили за пороги домов, где ночевали, а часть

²⁶ полуночная сторона – север

²⁷ кошунник – сказитель

на обочину дороги. Да приговаривали: «Вот тебе Морозко кутья вкусная, поешь наш дар». Все участвовали в обряде, и жители городища, и новобранцы-язычники, и новообращённые христиане, и православные дружинники-русы.

«Понравилось видно угощение, приятно усердие, и Морозко отступил, сретил Ладо²⁸, уступил ему путь. Ладо веселится, Ярило радуется. Хорошо-тепло человекам, зверям и птицам. Любо и лепно вокруг...» – продолжал петь молодой гусяр, а в солнечных лучах искрились и сверкали мириады капель, слёзы уходящей зимы лились с ветвей, стекали по гладким стволам осин, капали с выступов растрескавшейся серой коры берёз и охристой, шелушащейся сосен.

Хлюпанье из-под саней, что вереницей тянутся по лесной дороге, разносится по округе. Птицы шарахаются, отлетают подальше и повыше, предупреждая тревожными переключками, а в отдалении резво колышутся ветки кустов и подлеска, то лесные звери спешат унести прочь. А на санях от мерной качки дремлет будущее воинство, привалившись, друг к другу, и ветерок обдувает их сонные лица. Перед бронзовыми от заходящего солнца стволами с тонких ветвей свисают гибкие серёжки, при каждом порыве пританцовывая, будто своей своеобразной пляской хотят что-то поведать людям, проезжающим мимо них.

Воевода Черныш дал сигнал останавливаться на ночёвку. Встрепенулся народ, разбрелись по обочинам.

Свечерело. Кольцом поставили сани, а вокруг зажгли костры. Возле каждого шутят, балагурят сдружившиеся за дорогу бывшие жители разных городищ и селищ. А Ждана не отпускает кручина, знает теперь наверняка, нет уж отца в этом мире. Может, зря смирился, может зря идёт на княжью службу. Взять, прям сейчас и убежать?! Пойти в лес, что уже стеной окружил их, и идти, идти. А хватятся, вряд ли найдут. И вскипело что-то в груди Ждана, и почти готов был исполнить, как мысль иная охолонула: «Опомнись! А зверь лесной голодный, рыщущий! Сможешь одолеть один? Если нет, кому польза? Родичи ждать будут, надеяться, а напрасно, потому ак сгинешь безвестно. Но и на княжей службе могут сгубить, – возражал себе Ждан. – На то воеводу упрошу жене весть послать. Ак крути-верти, придётся идти далее».

– Мо'лодец, спишь? – толкнул его крепыш, бывший кузнец добродушный сосед по саням, большой и улыбчивый Добрила. Ждан отрицательно мотнул головой. – Репу хватай, уж испеклась.

Глухо стучали деревянные ложки о деревянные плоски и глиняные миски. Всё это сборище рассматривала ворона, резво ворочая чёрной головой с блестящими бусинками глаз, и пытливо смотрела за людьми на недостижимой для них высоте, на сухой еловой ветви. Долго и терпеливо наблюдала и вдруг сорвалась, метнулась вниз, канула меж саней и выпорхнула, держа что-то в клюве. Отлетела подальше, опустилась возле мелкой лужи и положила свою находку в воду. Лапой подвинула, клювом перевернула. Потом взлетела снова на ту же ветку вместе с размоченной находкой, наклонила голову к лапам, одной придавила и степенно и не спеша, стала поклёвывать. Но люди тоже следили за проворной вороной.

– Во! До чего умна!

– Не иначе как кусок ковриги заметила, остроглазая.

– И кто её надоумил сухарь в луже мочить?

– Да и умна и смела ворона, – подтвердил Добрила, – шёл я как-то по утру в кузню, а на соседском плетне орёт истошно ворона, с ней перекликается другая с нижней ветки сосны, что возле ограды. Та, что на плетне свесилась, голова набок, куда-то вниз зыркает, и я гляжу, что она там заметила. А под плетень кошка лезет, выползла в огород, а вороны друг

²⁸ Ладо – бог весны

за дружкой пуще прежнего вопят. Кошка было присела... до ветру, а вороны громче, громче, та и припустила, а горлопанки тут же и смолкли. Видать гнездо с птенцами близо\ёхонько.

Посмеялись над кошкой, а Яромудр вспомнил случай.

– Другие птицы не все глупы, вот утка. Как-то видел диковинных жёлтых уток, глядеть любо. Я повернул к берегу, но до края подойти не успел. Ак селезень крикнул, утица ему в ответ, и они разом развернулись в противоположную сторону и взмыли с озера, унесли куда-то за лес.

– Вишь, говорят меж собой, – удивился Добрила, – но хватит птичьих воспоминаний, – поведай быль дальнюю.

Другие тут же подхватили, стали упрашивать Яромудра. Разомлел после еды да жара костра, но отказываться не стал, любил он и спеть и порассказать, что знал. Ждан с интересом смотрел на Яромудра, молод, а как кличут, с почтением.

Яромудр достал с саней упрятанные гусли, сел на бревно, воздел очи к синеющему небу, тронул струны. Раздался мелодичный звон, метнулся к стволам и вознёсся ввысь.

– Поведаю вам други быль о пращурах наших пращуров, – пальцы Яромудра коснулись струн, зазвенел воздух, а в нём голос нежный и мужественный, ласковый и решительный. – Ак в стародавние времена жили. Ой, да не одна тьма лет и вёсен минула с тех дальних пор. Пращуры пращуров наших пращуров в благодатной земле на большом и цветущем острове жили. Вокруг него текли тёплые воды. Та земля не знала лютой стужи, студёных ветров, холодных снегов и сковывающих льдов. Дивная то была земля. День там продолжался полгода и полгода длилась ночь. Остров пересекала гряда гор, а середине самая высокая, с неё сбегали водопадами четыре ручья, по пути вбирая в себя родники, мчались к краю земли и обильными полноводными реками стекали в молочное море, белёсое от туманов. Над той горой над серединой острова висела звезда, самая большая и яркая, а вокруг неё остальные медленно двигались хороводами. Блаженная земля была обильна на плоды, сочные и вкусные. А люди сыты, довольны и здоровы.

Но грянула беда. Из ночной мглы сквозь небесную лазурь сорвался гневный Чёрный бог в огненном одеянии и дымном длиннющем плаще. Грохнулся на остров. Схватил золотого быка из капища священного. Земля вздрогнула и вздыбилась в возмущении и проседающая потрескалась. Сотряслись и волны морские, горами вздымаясь. Ой, люто стало. И зверям и людям. Расколосась их земля, частями провалилась в пучину. Ночь полугодичная прошла, а солнце всё ещё дымовым плащом занавешено. Тёплые воды меньше и реже подступали к острову, повернули от него, пока совсем не удалились. И стужа стала проникать на землю эту яро, покрывая льдистой коркой озёра и реки, вместо живительного дождя чаще и чаще сыпал холодный снег. Дивная земля стыла, и уже не могла плодоносить, её покидали птицы. Живность замерзала. И людям пришлось холодно и голодно. Некоторые раньше других отправились на лодьях в полуденную²⁹ сторону. Оставшиеся ждали перемен к прежнему. Но холод всё более и более сковывал некогда блаженную землю. И люди снова потянулись с острова. Последние держались долго и стойко, но трещины в земле углублялись, деля её на большие и малые острова, часть их поглощали морские волны. Люди вынуждены бежать.

Когда они уплывали, горький и тяжкий вздох вырвался из самой высокой горы. Земля вздрогнула и стала оседать под воду. По морской глади пронёсся вихрь, смерчем закрутился, и из его макушки-воронки вылетел полупрозрачный остров с цветущими садами, плодоносящий и обильный, и вознёсся на небо, уносясь в недоступную даль. С тех пор усопшие обитают там, в Ирий-саде.

Люди, причалившие к большой земле, растеклись малыми и большими реками. Много они претерпели, много прошли их потомки, не одна тьма вёсен и зим минула с тех дальних

²⁹ в полуденную сторону – на юг

пор, – звонкая и сочная, хотя и негромкая мелодия примолкла, пальцы гусяра остановились, и короткая тишина окутала слушателей. Но вскоре они стали бойко и искренне хвалить Яромудра и делиться друг с другом своими впечатлениями и мнениями об услышанном. Над становищем выросла глухой гул. Воевода Черныш скоро напомнил особо разговорившимся, что пора укладываться спать, нескольких оставил сторожить костры, защиту от зверя дикого, да велел не забывать подбрасывать ольховые чурки, защиту от нечисти.

IV

Утро ясное, небо наливается голубизной. Солнечные лучи просачиваются снизу сквозь густые ветви. Над полянкой в золотистом воздухе кто-то варит похлёбку, жарит репу; кто-то чинит сани; кто-то возится возле лошадей, кормит их, чистит, осматривает сбрую, упряжь; кто-то, отлив в плошку из котла, что стоял в костерке горячей воды, умывается, опосля намазывает лицо мыльным корнем, затем старательно скребёт щетину ножом, который у каждого висит на пояске, оставляет лишь усы. Лезвие сверкает, отбрасывает блики, и солнечные зайчики скачут по веткам. Уж затем ополаскивают лицо в студённой водице вешнего родничка, громко фыркают и подшучивают, друг над другом.

Ждан и гусяр Яромудр пошли за хворостом, выбирали места по суше, но валежник и палые, оторванные и сломанные порывами ветра ветки от росы влажные и сырые. А вверху среди деревьев разноголосица птичьих трелей, перекликаются, звенят, как тонкая струна под руками гусяра. Прямо над головами заливаются, в спешке переговариваются серо-коричневатые птицы с хохолками на затылках, жадно расклёвывая и нечаянно сбивая на землю, укрытую бурой прошлогодней листвой, сморщенные коричневые маленькие яблочки, которые несмотря на бури и непогоду всё ещё висели, дождались весны. Услыхав хруст веток, шелест жухлой листвы, увидев людей, птички вспархивают, перелетают, взмахивая крыльшками с тёмной и светло-жёлтыми полосами на другое дерево, усаживаются на верхние ветки, но едва люди отходят от яблоньки, возвращаются быстренько обратно и снова щебечут и клюют, клюют рыхлые плоды, ловко цепляясь своими маленькими тонкими трёхпальными ножками за веточки, и так и сяк, поворачиваясь, чтобы поудобней ухватить кусочек, даже повисая вниз головой, а под хвостиками мелькают бордовые пятна.

– У нас таки не водятся, – сказал Ждан, наблюдая за птицами.

– Не, нету, наголодались птицы, – подтвердил гусяр, кивая в их сторону. Он тоже был родом из-под Новгорода.

Конечно, новгородцы правы, свиристели не гнездятся не только на их родине, но и в землях кривичей, они возвращаются с далёкого тёплого юга, а лететь им ещё немало, в таёжные леса.

Юноши беспрестанно нагибались, собирая хворостины. Стали попадаться редкие еловые шишки. Ждан поднял голову, могучий ствол ели, уходя ввысь, терялся в густоте переплетения ветвей и веточек, обвешанных щетинистой хвоей, и на фоне её зелени свисали низки уже раскрывшихся шишек, будто щедрая рука празднично украсила разлапистую ёлку. Ждан грустно вздохнул, вспомнил родных, как они порой собирали в ближнем лесу шишки, и тогда из печи шёл вкусный терпкий хвойный запах, как приятно и легко было им дышать, быстро засыпалось, даже усталость скорей истаявала. Вздохнул Ждан, но сказал себе терпи, и зарок дал, в который уж раз вернуться назад, но ежели ему любо станется, то забрать родичей к себе. С такой мыслью двинулся дальше, шепча молитвы лесным духам за их дары и доброту.

Справа стволы немного расступились, и молодые люди вышли к прогалине, здесь светлее и уютнее, и Яромудр, улыбаясь, молвил:

– Любо тут. Жить бы остался.

Ждан соглашаясь с новым дружкой, что место доброе, обводил округу взглядом, скользнул по верхушкам и ахнул. Яромудр последовал за ним и обмер. Над макушками сосен и елей в нежной голубизне простёрлась гигантская птица из облаков. Воля незримого Бога сотворила из небесного пара объёмное изображение. Птица походила на коршуна перед взлётом. Крепкие ноги с растопыренными пальцами и острыми когтями, словно ещё держатся за невидимую опору, но уже вот-вот оторвутся от неё. Сильные широкие крылья, раскрываясь веером замерли при взмахе, корпус напряжён, шея вытянута, голова приподнята. Птица явно высматривает куда полетит и зачем, ещё миг и она воспарит.

Облака просто так в фигуру не собираются. Конечно, то был знак, это поняли и Ждан, и Яромудр, переглянувшись озадачено. Но, что он означает? Быть может, это знак предупреждающий и обнадёживающий?

Видел птицу из облаков и Добрила, забредши в перелесок в поисках ранних грибов, и тоже дивился: «К чему чудо боги сотвориша?»

V

Лошадки за ночь отдохнули, поутру отведали всё ещё душистого, хотя и прошлогоднего сена, попили чистой воды вешнего ручья и теперь бодрым и скорым шагом везут будущих воев. А они прислушиваются к дальним звукам, доносящимся сквозь чащу. Но то не дятлы долбят, то ударяет топор по дереву, да не один.

Вот ежженный путь сворачивает, огибает сосновый бор, справа вспаханное поле переходит в низину лога, вдали на бугре лепятся домики селища, а слева у края поредевшего леса вдоль берега реки сохнут новенькие лодьи.

Вереница саней скользит по молоденькой траве, ещё влажной, но уже подсыхающей земле кривичей. Они всю зиму делали лодьи, и сейчас продолжают рубить, долбить и строгать дерево, чтобы по вешним полноводным рекам было на чём отправиться за товарами, а князьям за данью. Кривичи издавна славятся мастерством, многие на Руси плавают в сработанных ими лодьях.

Молва донесла, кто и зачем едет, поэтому навстречу дружинникам поспешили старейшины, за ними, любопытство, не тая, стекались и стар и млад.

После взаимных приветствий воевода Черныш, увидев, что собрались все жители, обратился:

– Князь Володимер, что сидит на столе³⁰ Киевском челом бьёт вам, люди добрые! Помощь ему нужна от печенегов поганых, что измучили люд. Скольких в полон увели, скольких крова лишили, сколько стад отобрали! Тяжкий труд славянских мужей и жён в степи рассеивается безвозвратно! Пленники утекают за море, обречённые на рабство вековечное! Скудеет земля, политая слезами и кровью! Надобно огородить, да не токмо землю руськую, а весь славянский мир...

Ждан в который раз слушал речь воеводы и каждый раз не мог остаться равнодушным, так как убедительно, настойчиво, искренне звучала речь Черныша и вызывала ответное желание помочь. Но только подступала ещё и обида. За себя, но больше за отца, да за осиротелых родных.

А Черныш всё говорил, обращаясь к старейшинам, но, не упуская из вида молодых и здоровых мужчин. Он по опыту знал, что до их прибытия наверняка и здесь были разговоры и раздумья, как поступить. Почти всегда находились желающие уйти с ними, но были и сомневающиеся, колеблющиеся, которые тоже могли пригодиться, вот их и надо было под-

³⁰ стол – престол

толкнуть, чтоб решились. И Черныш старался, он будто всю свою силу и тела и духа посылал вместе со словами жителям, а те внимали, проникаясь сочувствием и состраданием.

После речи Черныша собрание перешло в вече, решали, кому ехать на княжескую службу, а кому оставаться. Ждан улучил минутку и с укором сказал воеводе:

– Ко всем с добром, пошто на меня и родителя напали люто?

– Оговор был на вас, о том догадались, да поздно. Виной те две лиходейки, опорочили вас, будто вы поносите князя Володимера, да мужей подстрекаете супротив него... Прости нас.

Вздыхнул Ждан, печаль свербит в груди, слезу выдавливает, а исправить содеянного нельзя.

Добрила слушал воеводу и улыбался, нравилась ему речь Черныша. Глаза Добрилы блестели от восхищения и азарта, если бы сейчас воевода позвал в бой, кажется, что большой, крупный Добрила полетел бы раньше других, первым ринулся бы на печенегов.

Грустный Ждан слонялся поодаль. Он мог отчасти понять парней и мужчин, которые поддались увещаниям воеводы и согласились покинуть свои семьи и родичей. И всё же еле сдерживаемая готовность Добрилы броситься в бой и радостное, почти счастливое его лицо вызывали недоумение. Бывший кузнец добродушно усмехнулся.

– Ну, пытай что затаился, друже.

– Молви, Добрила, в чём радость твоя?

– Надежду имею мастерство новое познать. Ещё отроком стал я дяде в кузне помощник. Когда-то отец мечтал вместе с братом ковать, да не заладилось у него, не каждого металл слушается, не для каждого огонь кузнечный распалается, ак должно. Я с младых лет вникал. Ох, ак любо мне бывало! Даже грохот молота не пугал. Брусок, вбирал жар огня Сварога, а дядя ловко выбивал из него меч, али рало иль гривну³¹. И казался он волшебником, владеющим тайнами, что металл ему одному поведал... Прошли годы, а с ними открылись мне эти неведомые тайны. Дядя научил. Люди хвалил меня за мастерство. Живи, да радуйся, ведь из нашей кузни изделия расходились, едва успев остыть, заказов хватало. А меня стала одолевать тоска неотвязная, душа просила, а чего не мог уразуметь. И вот пришли дружинники князя киевского веру предков рушить, а наши волхвы сначала было взбунтовались, а посла бежали, а ведь их всё селище всегда слушало безропотно, каждый за советом шёл к ним. И что ж? Где же их сила и власть? Уступили дружинникам, посланникам воли княжеской. Значит они сильнее наших волхвов, вот и загорелось мне познать воинское мастерство, что бывает сильнее ведовства.

– И ты, Добрила согласен, ак и оне заставлять люд поклонятся богу греческому?

– А, може, Жданушка бог греческий сильнее, ежели волхвы пятятся? Може наши боги, хвала им во веки вечные, слабее. Ак человек дитём слаб, повзрослел и силой напитался, а стар стал и мощь на убыль пошла. Вот и нашим богам сколько веков? Счёт утерян, може и оне силушку к старости порастеряли, да простят меня малоразумного. А, може тамо меж богами война идёт, и кто побеждает, тому иль тем более и веруют.

– По-твоему, Добрила выходит, надо сторону держать сильного, а не удерживать веру старую.

– Не совсем, Жданушка, в душу заглянуть не в силах человек, кто может знать, кому я верую.

– Добрила, а крест на шею, а моления в хоромах греческого бога?

– Так, что ж. Ежели он в силе, може и пособит. А родную веру предков кидать не собираюсь.

– Разве добре тако, Добрила?

³¹ гривна – нагрудное украшение

– А ты то, Жданушка, ак разумеешь?

– Ох, Добрила не ведаю ак быть. Думали мы с отцом, что верно содеяли, ушли, а всё ж напоролись на дружинников княжеских. И нет отца. Я ж иду биться с народом, который мне и моей семье никакого лиха не учинил, биться на стороне тех, из-за которых родитель мой сгинул. Душа изболелась от дум, в какую сторону метнуться, иль поздно уж, сам не пойму.

– Смирись, Жданушка, такова Доля.

– Трудно отличить Правду от Кривды, трудно не заблудиться среди дорог судьбы.

– Ох, трудно. Верно. Ты, Жданушка думай о другом. Вот познаем мастерство воинское, сразимся с поганными печенегам, мир изведем, ведь любо станется, авось боги смилостивятся и живы, да здоровы возвернёмся, ждуть же нас жёны горемычные, детки ждуть.

– Ох, и ждуть, Добрила, но, когда мы увидимся с ними, дороге этой конца не видать...

– Хе, Жданушка, не может того быть, чтоб конца земли не было.

Мимо них медленно шла группка юных и молодых селянок. Игриво косились на новобранцев синие и голубые глаза, лукаво улыбались розовые уста, весело позвякивали большие и тонкие медные височные кольца. Вот с ними рядом Яромудр, он оставил спорящих о чём-то сельчан и поспешил к молодкам, кивая Ждану и Добриле, чтобы присоединялись.

– Пошли, Жданушка, отвлекёмся возле таких пригожих голубиц от дум, прогоним кручину.

– Нет, Добрила, иди сам, а мне не станет легче возле чужих жён, в душе моей место только для Благуши, лучше поброжу.

– Ну, ступай друже, я к Яромудру.

Всё дальше смех, дальше уходили голоса, позади селение. Коконом окутывала тишина, изредка пронзённая птичьими перекличками. Ждан взошёл на холм. «Ух, какой простор! – вырвалось у юноши, – Земли края не видно!»

Противоположный склон холма полого опускался, в низине гребешком протянулся сосновый бор, за ним снова подъём, будто земля, вздымая грудь замерла и по этой возвышенности, словно россыпи теснятся крохотные домики селищ вперемежку с лесом, который у горизонта похож на мягкий мох, покрытый сизой дымкой. «Широка, раздольна земля, где ж мне в ней место?» – Ждан сел на молодую траву, весеннее солнце грело по-летнему. Припекло. Ждан поднялся, назад в селище идти не хотелось, сейчас ему лучше побыть наедине. Невдалеке прохладой манила осиновая роща. Ждан долго бродить не стал, сел на поваленное бурей дерево, задумался, привалился спиной к большому стволу и не заметил, как заснул.

– Молодец, встань, – Ждан открыл глаза, за плечо толкал седовласый бородатый старик, – уйди с дороги добрый человек, – попросил он.

Ждан огляделся, но не то, что дороги тропинки не заметно, кругом деревья, подлесок густой, да кусты и валежник. Предупредив вопрос Ждана, который недоумённо обвёл округу взглядом и удивлённо уставился на старика, тот продолжил:

– Вам она не видна, но дорога есть, и ты парень прямо улёгся на её середине, не объехать, да и обойти нелегко. Отойди куда-нибудь в сторонку.

– Прости, не знал, – Ждан быстро поднялся и направился из рощи, но вскоре остановился, глянуть, может, спросонья просмотрел дорогу. Оглянулся. Нет, всё по-прежнему: деревья, кусты, валежник и тропинки не видать. Хотел крикнуть старику, спросить про дорогу, а и его самого нет. Ждан туда-сюда, нет старика. Выходит, и знать ему больше не положено, и Ждан озадаченный, гадая, кто это был, направился в селище.

Вдоль берега реки выстроились лодьи из столетних ольховых стволов. Скоро их спустят на воду, они напитаются влагой, станут твёрдыми и прочными и после торжища перейдут под власть князя и поплывут собирать дань, а иные повезут воев в заморскую землю упрочать силу и власть княжескую.

VI

Далеко берег с однодревками. Полозья саней то скрываются под мутной жижей, то скользят по мокрым брёвнышкам. Заботливый народ уложил по болоту дорогу и сани мчатся по крепкой ольховой гаги.

Всплески, шелест и шуршание воды, лёгкая деревянная дробь и снова хлопья и всплески. За этим шумом едва различимы слабые удары по веточкам и нарождающейся листве от редких капель дождя. Но над вереницей саней нет тучи, а только небольшая часть её крыла оторвалась, и это облачко ветер разметал в клочья. А где-то впереди издали доносятся грозные перекаты.

Дорога распрямилась, сани зашуршали по сочной траве. Вдали над уходящим к горизонту лесом от огромной сизо-серой тучи вниз протянулись серые частые тонкие полосы, «волосы Дажьбога» орошали землю.

Вдруг крик, гам, суэта и зов помощи! Дружинники от передних саней повернули на шум к последним. Оказалось, задремавшие новобранцы не заметили, как парень, что крепко спал, съехал с предпоследних саней, да прямо под лошадей и следующие сани. Бедняга сильно стонал и с трудом дышал. От боли ручейками текли слёзы, и едва мог говорить.

Родом из-под Пскова Светозар, как прослышал, что дружинники собирают лучших людей, чтобы дать отпор печенегам, то сам пришёл, сбежал из дома против родительской воли, не желая оставаться в родном селище, да из года в год поле пахать да сеять, хотел руки свои приложить к чему-то более важному и нужному многим. Но вот сном забылся, а злые духи подстерегли, спихнули под копыта и полозья. И плакал Светозар не только от боли, сколько от обиды и беспомощности, что родителей рассердил, а пользы никому принести не успел, так и сгинет зазря.

Над людьми закружил пёстрый дятел, что уже немалую часть пути будто сопровождал сани, перелетая беспрестанно от дерева к дереву, сейчас он покружил над пораненным бедолагой, да и метнулся в сторону и скрылся среди ветвей. Вскоре меж стволов дубовой рощи показался безбородый старец в длинной пёстрой одежде, опираясь на посох он неспешно подошёл к саням с ушибленным.

Тем временем воевода Чырныш распорядился, чтобы Светозара положили поудобнее, сам ощупывал его, пытаясь распознать повреждённые места.

Ветром пронёсся приглушённый возглас «Волхв!» Черныш обернулся, увидел старца, быстро направился к нему, приветливо склонился в поклоне.

– Помоги парню, – глаза воеводы смотрели с мольбой и надеждой.

– За тем и пришёл, – ответил тот твёрдо, смело, взирая, добавил, – Но мне нужен.., – и стал рассматривать каждого, – ... вот он, – и указал посохом на Ждана, который от неожиданности онемел.

Зачем он понадобился волхву? Ждан с недоумением рассматривал постаревшее с резкими морщинами лицо решительного человека, кому ведомы тайны природы, что слышит богов, и почти со страхом на посох, указующий на него. Змейка искусной резьбы извивалась, теряясь под цепкой рукой старца. Глаза юноши опускались под уверенным и пристальным его взглядом, скользили по пёстрой длинной рубашке волхва и останавливались на навершие посоха, ярко разрисованной голове дракона с открытой красноватой пастью и пронзительными сине-зелёными глазами, что уставились тоже на Ждана.

Внезапно Ждан ощутил, что его тянет куда-то вперёд, туда, где стоял возле Светозара волхв, но тяга эта странная, будто изнутри он рвался наружу, но куда, как, зачем?

– Не противься! – сурово приказал старик, поднял руку и махнул ею, как бы от Ждана по направлению к Светозару.

В следующий миг Ждан почувствовал, что полетел, не в силах остановиться, он закрыл глаза от страха и выставил руку, чтоб не врезаться в Светозара. Темнота. Узко и тесно. Ждан ощущает, что продолжает куда-то двигаться, его по-прежнему влечёт неведомая сила.

Добрила приложил ухо к сердцу Ждана, который стоял не шелохнувшись.

– Жив, – кивнул он, – сердце едва бьётся, – Добрила посмотрел в немигающие глаза друга, а тот устремил невидящий взгляд мимо. – Что же сотворил волхв поганый, придёт ли в себя наш друже?

– Зря ругаешь, – попытался успокоить и себя и Добрилу Яромудр, – он такой же, – и кивнул в сторону волхва. Действительно старик недвижим, словно замер, опирается на резной посох и не моргает.

Ждан решил и открыл глаза. Сумеречно. Вдруг рядом пробился сначала слабый, но приближающийся свет. Юношу нагнал волхв. «Пошли», – сказал он и поднял посох, из пасти и из глаз дракона исходили бледно-жёлтые лучи.

Ждан и волхв пробирались по узким проходам, а то по каналам с почти прозрачной жидкостью, то мимо бугров, то опускаясь на дно впадин. А всё вокруг будто было живым, дышало, временами вздыхая, и дрожало и колыхалось и даже постанывало. Чем дальше, тем стоны громче, путники шли по колено в красно-бурой жиже.

– Пришли, – сказал волхв, – возьми меня за руку. – Ждан повиновался и тут же почувствовал, из него вибрируя, что-то утекает.

Волхв, продолжая крепко держать руку Ждана, другой оставил посох, который продолжал освещать округу. Из серо-сизой упругой, но мягкой глыбы кровоточила рана, в которую воткнулся кусок белёсого бревна. Этих сломанных брёвен вокруг было немало, они скрежетали и стонали, а глыба громче всех, да ещё и всхлипывала и, как бы задыхалась, содрогаясь. Волхв просунул свободную правую руку под бревно, пытаясь его вытащить. «Помоги», – кивнул он Ждану и тот левой стал тоже тянуть. Удалось. Сломанный кусок волхв положил у своих ног и простёр правую руку к кровоточащей ране, при этом, нащёптывая заклинания, которые Ждан не мог разобрать, а из пальцев старца заструились золотистые лучи, они скользили по краям раны и кровь, истекающая из неё ранее, прекратила сочиться. Тогда волхв собрал пальцы в горсть, из которой молнией сверкнула серебристая нить. Он пронзил ею дрожащую глыбу, та охнула. Волхв совершал кистью руки зигзагообразные движения, а серебряная нить скрепляла оба края раны. И глыба, наконец, вздохнула с облегчением.

– Помоги, – старец снова обратился к Ждану, наклоняясь, чтобы поднять кусок белёсого бревна, – будем сращивать сломанные кости, сказал он.

Ждан, совершенно не понимая, что делает, безропотно выполнял все требования волхва. Они подставляли выпавшие куски, соединяли разломанные части. Старец пронзал их в месте скрепления золотистыми лучиками, потом словно прошивал серебряной нитью. И вокруг всё меньше и меньше раздавалось стонов, напротив, участились вздохи облегчения, пронизывающее ощущения страха и безысходности таяло, заменяясь шёпотом благодарности и признательности.

Волхв продолжал своей левой крепко держать правую Ждана, а в свободной руке старика вдруг оказалась серебристая метёлка и он старательно очищал ею глыбу, особенно возле рубца раны и белёсые брёвна, тщательно в местах соединения сломанных частей и мёл по проходам.

Светозар уже не плакал от боли, она хоть и не прекратилась совсем, но значительно утихла. Он дышал ровно и временами даже улыбался, приговаривая: «Щекотно внутри...».

– Вот и вернулся, – расплылся от радости Яромудр, толкая Добрилу и глядя на Ждана, который заморгал и с облегчением отдувался.

Черныш кинулся к волхву, как только тот зашевелился.

– Ак на место прибудете, здоров станет, – не дожидаясь вопроса воеводы изрёк старец.

– Чем отблагодарить отче?

– Молитесь богам предков, они о вас заботу помнят и вы их не забываете, – ответил он и, кивая в сторону Ждана, Яромудра и Добрилы, добавил. – Добрыми воями станут, да прежде лиха хлебнут.

Вскорости волхв ушёл в дубовую рощу, но от жита и благодарственных подношений не отказался, взвалил на плечи и твёрдой походкой удалился.

Новобранцы устроили трапезу в честь Велеса и Макоши, а также духов лесных, полевых и водных. Дружинники-христиане не препятствовали, напротив, тоже приняли участие.

Светозар тихо спал. А дальше в пути к веренице саней иногда подлетал пёстрый дятел, кружил над санями, что везли Светозара, и после улетал в лес.

VII

Сани прогромыхали по мосту через узкую, но не мелкую речку и заскользили по мокрой чёрно-коричневой земле.

Земля радимичей – земля дремучих лесов, но и они перемежаются раздольными лугами с разнотравьем. Ручейки, речушки и речки бегут здесь к одной реке – Десне. А она, вобрав в себя воды с земель радимичей и северян, широким потоком устремляется к Днепру, и когда тот подходит в земле полян к стольному граду Киеву, становится самой могучей из всех рек в землях славян.

Наезженная дорога то медленно поднимается на холм, то полого спускается. Земля волнами приподнялась, да и заснула. С одного гребня-бугра виден следующий, за ним третий, а иные уж угадываются сначала в бледной, затем сизеющей дымке. И на каждом чёрно-коричневой лентой дорога разрезает зелёное покрывало из крон, густо растущих деревьев.

Ветви берёз и сосен, елей и дубов образуют почти сплошной покров, и не каждый солнечный лучик может пробиться сквозь него. Толстые стволы берёз распирает, и их белая кора покрылась расширяющимися трещинами, а у основания растрескавшаяся тёмно-серая кора позеленела. Стволы деревьев наклонились над дорогой и чуть не соприкасаются верхушками. По обеим сторонам сумрачно, среди бела дня стволы теряются во мраке. На выпирающих корнях мощных елей, корявых суках дубов зелёный налёт. Пни и валежник под толстым слоем мха.

Вот справа просвет. Два дружинника повернули туда по приказу Черныша, а вереница саней остановилась. Скоро ночлег, и если поблизости нет селища, то придётся ночевать снова на дороге.

Дружинники вернулись с доброй вестью. Всего лишь надо повернуть два раза и откроется поляна, за ней рощица небольшая, поблизости на бугре селище.

На следующий день по просьбе новобранцев Черныш отложил отправление. Селяне направились к «сердцу» бога, их покровителя и будущие воины тоже хотели поклониться местному божеству. Черныш разрешил пойти всем, но не надолго. Рано, поутру ушли почти все к огромному сине-коричневатому валуну. Остались лишь несколько дружинников-христиан, чтобы охранять сани и скарб, да ещё слабый Светозар. Ему значительно полегчало, но ещё слаб идти, да выстоять продолжительное моление.

Светозар полулежал и наблюдал за бесконечной спешкой муравьёв. Вначале их бег казался хаотичным, но потом юноше ясно стало, что муравьи бегут каждый с определённой целью, да ещё многие друг за дружкой, словно по одной тропке. «Ак малы, а знают, зачем торопятся», – удивлялся и восхищался увлечённый Светозар. И лицо его сияло, короткие льняные волосы курчавились, как далёкие облачка в бездонной голубизне, что лазурью отражалась в азартных глазах.

Деловитость муравьёв напомнили Светозару улицы Смоленска, где так же деловито народ спешил на торжище. Раньше он был только раз в Пскове. Смоленск показался ему намного больше, удручали следы пожарищ на капищах, да свергнутые и обугленные идолы. Зато благоухали рубленные церкви христиан. Запомнилось, почему-то: под навесами на конопляных холстах сушились кирпичи. Да ещё тревога и любопытство в глазах людей при виде дружинников князя киевского.

Со стороны луга, где в центре лежит священный камень, потянулись в селище жители, а к саням новобранцы и дружинники. Троица, сдружившаяся за дорогу, поспешила к Светозару, который тут же стал расспрашивать Ждана, Добрилу и Яромудра о молении и передали ли они «сердцу» бога его просьбу.

VIII

Впереди была только вода, такая же светло-голубая, как и небо и, бледнея, сливалась с ним, совсем белёсым у горизонта. Разве может быть столько воды? Или это край земли? Ждан посмотрел вниз, дух захватывает, пенные волны бьются, будто пытаются отодвинуть мешающий им берег, да все их попытки тщетны. Непоколебима земля. И запах, странный запах веет от этой воды. Ждан отступил от скалистого обрыва, перевёл дыхание.

Высокие травы закрывают полнеба, где разметались «волосы Велеса» – перистые облака. Голова болит, просто раскалывается. Неслышный ветер раскачивает метёлки. Ждан пытается приподняться, поворачивается направо... рядом недвижимо лежит человек, в его застывших глазах колышутся травы. «Сгиб, ведь не за тем сюда шёл...»

Скользят сани по мокрой траве, хлюпают по лужам. Впереди Добрила правит, на вторых вожжи держит он сам, Ждан, а возле него посапывает в соломе Яромудр. За санями следуют пристёгнутые три коня. Ждан знает, едут уже по новгородской земле, скоро придут. Какова встреча будет? Что случилось с родными? Что ждёт радость от предстоящей встречи или ...? Тревога точит...

* * *

Светозар доволен, воевода перед всей дружиной отметил его смелость и отвагу!

Светозар в гуще врага, печенегии напирают, но юноша не отступает, ловко отбивается и удачно наносит удары мечом. Рядом крепкая поддержка: Добрила бьёт булавой, Яромудр лупит палицей, а Ждан рубит мечом.

* * *

Жарко, хочется пить, а вода солёная с горьким привкусом. Яромудр пытается высвободиться, но верёвки, что обвили его руки и ноги туго завязаны и никак не поддаются.

Мороз продирает, кольчуга холодит тело сквозь шерстяную рубаху. Надо терпеть. Яромудр ускоряет шаг, чтобы разогреться в ходьбе. Он идёт по стене, проверяет дозорных. Глянет вправо – бескрайняя белоснежная равнина кое-где бугрится курганами, где сокрыт по традиции старой веры прах достойных воинов Руси. Влево посмотрит – по припорошенным снежком деревянным улицам идут горожане по своим делам, кто-то беседует на ходу, кто-то стоит в сторонке, кто-то несёт воду от колодца. Дети играют в снегу. Яромудр улыбнулся и снова стал вглядываться в бескрайнюю степь.

* * *

Вот и родичи, ох, как рады! Двое малых ребят и дочка-подросток обогнали мать, прильнули к отцу. Ох, как истосковались! Да, были моменты благодные и раньше, но кажется, что такого ещё не бывало. Добрила даже прослезился от счастья, и всё прижимал к себе деток и жену. А сельчане обступили их, рассматривают одежду Добрилы, да его самого, обращаются почтительно. Был кузнец, да наилучший в округе, а теперь дружинник, состоит на службе у великого князя киевского!

Ярило разъярился, жарко так, что трудно дышать.

Его простоволосого, почти голого осматривает и тычет пальцем в разные части тела человек с небольшой бородёнкой в длинном цветном одеянии. Возле него крутится мальчик, то справа, то слева забежит и машет скреплёнными перьями на палке. Иногда дуновения долетают до Добрилы, но всё равно возмущение душит. Иноземец оценивает его, как скотину на торжище, прочем это и есть торг...

* * *

Поутру Ждан с недоумением вспоминал сон. Почему он не удивился, что рядом лежал печенег и почему сочувствовал ему? Почему он стоял у бескрайнего простора воды? Почему он знал, что едет за семьёй и не удивился, что вместе с ним Добрила и Яромудр тоже в одежде дружинников? Что это за сон? И сон ли?

Но не только Ждан озадачен, а и Добрила и Яромудр. Они поведали друг другу свои странные сны. К ним присоединился Светозар, ему значительно полегчало, он уже мог ходить. Светозар в отличие от приятелей был весел, он понял, что «сердце бога» вняло его молитве и исполнит просьбу.

После долгого совместного обсуждения друзья пришли к выводу, что Доля связала их между собой, но у Светозара своя отдельная судьба, что его, конечно, опечалило. И поняли они, что им троим, Ждану, Яромудру и Добриле предстоят ещё тягостные времена вдали от родимой земли и близких. И, когда они наступят раньше или позже, чем увидятся с родными, то им неведомо. Друзья решили, что эти сны – видения из будущего, но в видениях время перепутано, чтобы было не ясно, что их ждёт сначала, а что потом. Понятно, желания осуществляются, и это уже успокаивало и придавало уверенности в избранном пути, говорило о поддержке богами этого пути и давало силы, чтоб идти по нему дальше.

IX

С тех пор, как Ждану явился сон-видение, он не корил себя за то, что всё же не бежал от дружинников, признавая, на всё воля богов и надо покориться судьбе, а это означало в ближайшем будущем слушаться воеводу и выполнять требования дружины. Чтобы вернуться к семье надобно стать воем, как говорит Добрила, познать воинское мастерство.

Весна бежала впереди, обгоняя вереницу саней. Проплешины желтели цветами мать-и-мачехи, под деревьями стелилась ярко-зелёная подстилка из трёхлепестковой травы кислицы, усеянной крапинками белых цветочков. Кислицу охотно рвали, жевали, добавляли в варево. Вот и сейчас липовые лапти Ждана и Яромудра утопают в этой низкой, но густой траве, уж полны торбы, а друзья не устают, будто кланяются, срываю сочную зелень, да в рот, да за пазуху, вкусно и полезно.

Незаметно подошли к опушке. Вдруг Яромудр резко остановился, придерживая рукой Ждана, тот настороженно замер, вглядываясь между ветвей. Сквозь прозрачный туман, пронзённый лучами восходящего солнца, что прорвались через заслон из сучьев, упирались лбами с небольшими, только начинающими разветвляться рогами два молодых оленя. Нет, они не яростно сцепились, как непримиримые соперники, а игриво напирали, чья возьмёт, приподнимаясь на задних ногах, после чего ласково тёрлись головами.

– Братья лесные радуются Яриле, – прошептал Яромудр.

Налюбовались друзья на игривую борьбу, да пора возвращаться, путь ещё не окончен.

Снова замелькали стволы густого леса с пугающим мраком в глубине, снова проносились за полями россыпи домиков селищ. И удивляло Ждана, что везде, где они останавливались, воевода Черныш долго и задорно говорил, после чего прибавлялось саней и будущих воев на них. Везде, но не в земле радимичей. Да не он один заметил. Поговаривали, что князь Володимир не доверяет радимичам, что они помнят недавнее поражение на реке Пищане

воеводе Волчьему Хвосту, и, хоть и вынуждены дань везти князю, но обиды не простили. Другие возражали, что вятичи тоже не хотят подчиняться князю киевскому, их тоже Володимер одолел, а и среди строптивых вятичей рыскают дружинники, ведут против печенегов.

Толковали много, но наверняка никто не знал. А Ждану любопытно, почему радимичей обошла эта участь? И участь ли это или честь? «Не подойдешь же и прямо не спросишь у Черныша. Ещё оплеуху схлопочешь. Не своё не спрашивай. Опозорит перед мужами».

Сочная зелень травы и нарождающейся листвы наполняла воздух пьянящим запахом свежести обновляющегося мира, дул ветерок непреложных перемен, проникая в людские души и вселяя в них уверенность, что перед ними открывается новая необычная и манящая жизнь.

Местность постепенно понижалась, сани катились легко, по обе стороны от дороги лес всё чаще сменялся обширными луговинами. Земля северян. Черниговское полесье.

Х

Сверкнула серебристой змейкой река, извиристо прорезала равнину и ушла под тень смешанного леса, затерялась меж стволов.

Воевода подал знак останавливаться на ночлег, хотя солнце и клонилося к закату, но ещё ярким диском золотило округу. Черныш хотел, чтобы люди побольше отдохнули, а завтра ранёхонько двинулись и, пока погода благоприятна они могли бы намного продвинуться.

Выпрягли лошадей. Мнут копыта прибрежную траву, мешают с илом. Из-за кустов вышел пожилой человек, доверчиво заглядывает в глаза.

– Сплавайте на плоту к острову, тамо раков уйма.

Нашлись охотники, среди них Ждан и Добрила.

– Давай, показывай, где плот, где раки хоронятся?

– Я сам отвезу, а смелые мужи дружинники и отец-воевода разве не хотят позабавиться? – услужливо кланяясь, он спросил.

Черныш отмахнулся, а дружинник крикнул:

– Будет большой улов, с нами поделятся.

– Ох, зря отказываетесь, на острове уточки жирные, зайцы непуганые, белки да куницы пушистые...

– Этого добра везде полно, только чуть затаись да прицелься.

– О, зверь тамо особенный, краше иных, сплавайте мужи, как можно отказываться от добра?

Среди дружинников явное смятение, некоторые не прочь, но молчат, на воеводу взгляды бросают, но одобрения в его лице не видят.

–хлопотно и без того, – сказал один из них, – не докучай, – явно показывая, что не до него и он тут лишний.

Человек разочарованно поплёлся к плоту, но увидев, что тот уже полон, радостно прыгнул на него и отчалил.

Остров, густо заросший по берегу рогозом и кустарником быстро приближался, перевозчик энергично отталкивался длинной палкой. Чем ближе к острову, тем тяжелее на душе у Ждана. Он совершенно не понимал отчего, недоумевая, поделился с Добрилой, который хотя и пристально, но ненавязчиво наблюдал за перевозчиком.

– Жданушка, и мне муторно... Глянь в воду против нашего возницы, – едва слышно добавил.

Ждан повернулся направо, подставив розовеющему солнцу русый затылок. Справа в ряби волнисто плыли отражения тех, кто сидел на плоту, над ними прыгала палка, не управ-

ляемая никем. Ждан уставился на неё, потом ошеломлённо возрился на перевозчика, который по-прежнему отталкивался той же самой палкой, и после вопрошающе на Добрилу. А тот прошептал:

– Худой человек... И человек ли?

Ждана передёрнуло, он вскочил и крикнул:

– Куда везёшь нас?

– Что ты, парень? – лукаво улыбался тот, – поди перегрелся?

– Это ты перегрелся, не выдержал Добрила, – да так, что отражение твоё испарилось, – кузнец усадил друга. Какую лихость замыслил?.. Мужички, – обратился Добрила к новобранцам, – гляньте в реку, не человек он!

Люди всполошились, прильнули к краю плота, а на воде, кроме них лишь палка торчит.

– Ах, ты, лиходей поганый! – закричали. Повернулись..., а перевозчика нет.

Вдруг раздались шлепки, будто кто-то хлопал по воде..., и действительно кто-то невидимый оставлял на речной глади следы, но и они почти тут же исчезали. «Следы» вели к берегу острова.

– Назад! Воротимся скорей! – заторопились люди на плоту.

А с острова донёлся смех, который нарастал, издевательски надсмехался над оторопевшими новобранцами. Они лихорадочно отталкивали плот, гребли руками, шапками.

На берегу остальные поняли, что на плоту неладно, удивлялись, куда делся перевозчик и, почему они возвращаются, и откуда взялся шум, похожий на жуткий смех. И вдруг, на берегу ахнули... Плот растаял, как туман, ни одного брёвнышка и люди барахтаются, благо многие из них могут плыть. Кое-кто с берега, из тех, что привыкли плавать с детства, бросились в реку на подмогу.

Удалось вытащить всех. Мокрых и испуганных новобранцев расположили у костров, что уже жарко полыхали.

– А, где ж остров треклятый? – воскликнул Яромудр.

Все оборотились, глядь, а река тихо бежит, золотисто искрится мелкая рябь и нигде насколько видна её поверхность, нет ни единого даже крошечного островка. Люди с недоумением в полном молчании переглядываются, и снова и снова осматривают реку. Что это было? Кто это был? Почему хотел погубить людей?

XI

На очередную ночёвку расположились на холме, дальше до горизонта простиралась равнина, утопающая в вечернем сумраке. Сизо-сиреневая непроницаемая дымка синяя, заволакивала низину и, вея сыростью, медленно подступала к пологому склону. Большая жёлтая лепёшка луны, будто незаметно, пятится, поднимаясь выше и дальше, бледнеет, белеет и, словно наливается светом. И вот уже блестит, как начищенная серебряная монета. Тёмные силуэты лошадей спокойно пасутся возле таких же саней и фигур людей, что укладываются спать, тихо переговариваясь, как бы боясь нарушить покой надвигающейся ночи, по-летнему тёплой и нежной, наполненной ароматами свежей листвы, молодой травы и весенних цветов.

На соломенной подстилке в санях лежит Ждан, его взгляд устремлён на пятнистый лунный лик. Сколько раз они с Благушей любовались этим небесным чудом и ещё звёздами, непостижимым творением богов. «Жёнка родимая, акы тяжко. Вокруг люд, а внутри пусто... Любые маются без родителя, без мужа...» Когда ещё к ним воротится, надо терпеть. И, глядя на россыпь Млечного пути, Ждан молится, просит Перуна, Макошь и Сварога помочь ему освоить воинское мастерство, да живым к семье вернуться.

Чуткий сон дружинников не раз нарушался призывными переключками птиц. На разные голоса они трезвонили без умолка всю ночь. Что за ненормальные птицы, удивлялись

спросонья бывалые мужи или место тут такое, что отовсюду слетелись и гомонят на необозримое множество разных голосов и тонов без усталости, да ещё и в темноте.

А Ждан, то вспоминал, то молился и не заметил, как его окутал сон, похожий на густой белёсый туман, что заполнил долину и, который, золотясь под первыми лучами солнца, медленно плывёт и тает в бирюзовом небе. Птичьи трели на всевозможные лады ещё звучней, будто слетелись сюда пернатые со всего света. Разносился перезвон со всех сторон, с деревьев и кустов, но иллюзию бесконечной многогласицы создавали несколько десятков самцов болотной камышовки, что сидели на тонких стебельках крапивы и таволги заливного луга и призывали самок и ночью и днём, замолкая лишь на короткое время, а потом опять принимались свистеть, щёлкать, тренькать и трещать голосами различных птиц, когда-либо ими услышанных.

Утро, как парное молоко, нежное, обволакивающее с лёгким дуновением свежести.

Со склона холма, словно семечки посыпались, все, включая дружинников, повалили к реке, бросились с песчаной отмели в синь неспешной воды. Круги, всплески, хлопы, хлопья, мужской гомон, мелькание обнажённых тел в приятной прохладе.

Головы Добрилы и Яромудра скрылись под водой, они поспорили, кто из них дольше продержится, а Светозар и Ждан считают. Светозар поглядывает уже с опаской на друга, мол, не утопли? Ждана тоже начало скрести беспокойство, он столько бы не смог. Наконец, выныривает Яромудр, жадно хватая ртом воздух, видит тревогу в глазах товарищей, которая передаётся и ему. Но вскоре с шумом выскакивает Добрила, и они вздохнули с облегчением, а он с трудом выдул:

– Скучно сидеть там.

И все заулыбались, а Светозар смотрит с восхищением на приятелей, откровенно говоря:

– Такое не по мне. Я плаваю и то еле-еле.

– Да, я тебя в миг научу, – сказал Ждан, – мы часто ходили на Ильмень ещё сызмальства. Путь не близкий, но акы, единожды увидишь ту ширь, не устоишь, тянет окунуться. Всему селищу было любо и по вечеру толпой шли на озеро, – Ждан вздохнул, бывшее не вернётся.

Добрила заметил, что Ждан уносится в воспоминания, после которых его одолевает тоска, поспешил отвлечь друга.

– Жданушка, вот добро, акы ты научишь Светозарушку, впереди то у нас Десна, говорят, широка и глубока, переправляться будем. Всяко может быть. Акы Непогода студеные ветры пригонит, ведь ещё не лето красное, в любой миг перемена грянет. А не умеючи плавать в холодной воде надолго сил не хватит. Сплавайте, други. Поучись милоч.

– А вы с нами? – спросил Светозар.

– Не, хворосту пойду собирать, – ответил Добрила, а проголодавшийся Яромудр добавил. – Вернётся, а варево уж готово.

Яромудр и Добрила побрели на холм. Вдогонку им неслись мелодичное и звонкое цци-чжээ-чжээ бурых птичек с сероватыми хвостом и крыльями и с иссиня-чёрными головой и шеей, которые выглядывают из своих гнёзд в неглубоких дуплах прибрежных тополей и ив. Равнина с вершины выглядит почти плоским дном огромного ярко-зелёного блюда с вкраплениями голубых пятен озёр различной величины, а между ними сине-серебристая река, то ссужается и разбивается на тонкие протоки, которые, разветвляясь и петляя, снова сходятся к основному руслу, расплескивая его вширь. Всюду, то взлетали, то садились птицы стайками и парами разного размера и окраски. На мелководье важно вышагивают серые цапли, они зорко всматриваются в воду, потом резко опускают желтовато-бурые клювы, после чего там трепыхаются рыбёшки, болтают вытянутыми лапами лягушки, раки клешнями безрезультатно щёлкают, удавалось им схватить юрких ящериц и разнообразную мелкую живность.

Равнину окаймляли с одной стороны лес, сквозь который вышли новобранцы. По мере удаления зелёная дуга леса тончала у горизонта, редела и, как бы покрывалась голубоватой дымкой. С другой стороны лесная окраина выходила на холм, где за вершину цеплялись корни двух сосен и трёх старых берёз. Несколько молоденьких дубков сбегали по отлогому боку холма. Затем почти вдоль реки через небольшой промежуток земля снова дыбилась, но уже грядой оврагов с отвесными склонами, испещрёнными норами, куда беспрестанно металась береговые ласточки.

Приятеля медленно плыли там, где было дно, они часто останавливались и Ждан пояснял, как лучше грести руками, как помогать продвижению ногами, как вдыхать и выдыхать, как быть, когда устаёшь и, что делать, когда вода захлёстывает, норовит наполнить рот, а то и того хуже нос. Светозар с азартом учился. Они не заметили, что изрядно удалились от остальных. Их не только не видно, а и не слышно за последним совсем не крутым поворотом. Только птичьего голоса вокруг, да редкие всплески в воде и зарослях камыша и рогоза. Но друзей это не остановило, они продолжали потихоньку плыть.

Юное и гибкое, лёгкое в воде тело усваивало подсказанные навыки быстро. Светозар уже смело плыл и даже там, где ноги не касались дна. С каждым взмахом юноша чувствовал себя уверенней, а его движения становились чётче, резче и быстрее.

Левый берег – невысокая луговина, а правый сперва низкий, заливаемый по весне, с редкими ивами, стволы, которых, словно желая посмотреть на своё отражение в реке, наклонились к ней. Узкая низина упирается в обрывистый склон оврага.

Светозар и Ждан обогнули одну из ив, что тянулась над поверхностью почти на два аршина, а потом круто поворачивала к небу. И тут они вынуждены были остановиться и затихнуть. В десятке саженей перед ними у полузатоленной старой ивы, что росла над водой, купалась дева.

– Поворотимся, – шепнул другу Ждан.

– Не, сплаваем, – Светозар кивнул в сторону купальщицы, не отрывая от неё глаз.

Распущенные тёмные волосы девушки закрывали плечи, спускались под воду. Сквозь мокрые пряди белело обнажённое тело с лёгким зеленоватым оттенком, видимо тень от листвы густых ивовых ветвей. Она будто с кем-то говорила, но слов, конечно не слышно, далековато, лишь какой-то слабый писк.

Ждан не хотел туда плыть. С большим трудом давалось ему отвлечься от воспоминаний о Благуше, от тяги и тоске по любимой жене, ведь каждая встретившаяся молодница будила вновь и вновь мужскую силу, которая мучила его, потому как любая другая всегда чужая ему и только люба родная Благушенька. Да ещё одолевает томление, что и не знает куда деться, а потом уныние и всё вокруг печалит и раздражает. А разве можно так жить? Вот и бежал Ждан искуса, лихо в себе гасил.

Не хотел Ждан пускаться к ней Светозара, а вот почему объяснить ни себе, ни ему не мог. Но наперекор своему чутью настаивать не стал, мол, если невтерпёж, пусть юнец потешится, а сам, чтоб не мешать им решил выйти на берег и переждать в раakitнике. Предупредил, чтоб недолго и потихоньку вышел из воды.

Светозар медленно плыл, но всё же его приближение девушка заметила. Она повернулась. Юноша поразился, он ещё не видел подобной красавицы и замер в нерешительности. На лице купальщицы изумление, потом замешательство и, наконец, азартная весёлость. Она улыбалась. И Светозар улыбнулся ей в ответ, теперь он поплыл, хотя по-прежнему медленно, но смелее.

Тем временем Ждан приблизился к кустам, озадаченно оглядывая их. Как будто какая-то сила заставила расти стволы, пригибая к земле. Хотя явные попытки выпрямиться были, но опять притягивало что-то вниз, делая их корявыми и кривыми. А кора от натуги словно скручивалась спиралью. Ждан удивлялся, такие ракиты никогда ему не попадались, да

и не таков их век, чтоб нарастить толщину почти в полтора обхвата. И почему тут так тихо? Действительно на этом участке среди старых деревьев и кустов птичьих перекличек не слышно. Никто из них не садился ни на одну их веток, летели мимо, как бы сторонясь.

«Гиблое место», – подумал Ждан и не стал здесь задерживаться, поднялся по склону оврага, пошёл вдоль реки, сверху наблюдая за Светозаром и купальщицей. Она продолжала улыбаться, и смело махала юноше гибкой ручкой. «Вот блудовка!»

Девушка перестала баламутить воду и та прозрачная под солнцем блестела мелкой рябью. Но, что там просвечивает возле неё? Похож на хвост, рыбий, да пребольшой! «Каково туловище и голова, – раздумывал Ждан, пристальнее всматриваясь. – А вода то...» Он помчался вниз.

Течение незаметно разбивается и правая его часть перед купальщицей, будто нехотя слегка закручивалась, а левая большая текла дальше.

Ждан бросился в реку, схватил удивлённого неожиданным броском Светозара и со всей силы, выпихивая, вытащил на берег.

– Тебя укусил кто? – закричал юноша, не понимая ничего. – Зачем мне помешал? Деву спугнул! – оглядываясь и уже нигде не видя купальщицы, сокрушался Светозар. – Если б ты видел её глаза! Огромные! Синие! Аки... – и расстроенный умолк.

– Ага, аки омуты, да Светозар? – переведя дыхание, дополнил Ждан.

Тот грустно взглянул, еле сдерживая слёзы, он же был почти рядом с ней, несколько шагов и...

– В омут она и хотела тебя утащить, – отдышался и спокойно добавил, останавливая Светозара, который, конечно, не согласен и пытался возразить. – То была, друже, русалка и ушла к себе, в водоворот.

Слова Ждана ошеломили Светозара и казалось силы покинули, он только привалился к валуну и смотрел туда, где совсем недавно купалась дева необычной красоты с нечеловечески большими и прекрасными синими глазами и манила его к себе. Он знал, что её облик останется с ним, её глаза не забыть.

Часть четвёртая. Ратные дела

I

От лёгкого ветерка дрожат нежные листочки. Между веток сверкает солнце. Косые лучи прорвались сквозь древесный заслон, падают на сочную траву, где распластались утомлённые учебным боем воины и дружинники. Конечно, и пахарям и ремесленному люду не единожды случалось вести кулачные драки, но то забава, хоть далеко не всегда безобидная, а тут надо получить сноровку, чтоб жизнь свою спасти.

Ждан лежит среди цветущих ландышей на краю рощицы, тоненькие веточки берёз машут ему, пытаясь отвлечь от грустных дум. Ждан обычно побеждал своих ровесников односельчан, а тут никак не удалось вырваться из цепких рук. У него ноет тело, дружинник Моргач здорово его помял. Парня душит стыд за свою неловкость и неповоротливость, а тут ещё эти цветы... Их так любит Благуша! Бывало в эту пору всегда у неё венки, и с русских волос свисают душистые белые колокольчики. Да и в доме их дух, всюду натканы небольшие пучки и привязаны увянувшие венки, сохнут для отвара. Ох, Благуша, милая голубка... и, когда свидятся, а уж и так тяжело... Кручина неотвязная измучила, тоска томит и по матушке родимой, и по непоседе Ягодке. Ох-хе-хе-ох!.. Ждан зачерпнул горстями травы, вырвал с корнем ни в чём неповинную, цедя прощения у Лешего, что без необходимости лишил растения жизни, но надо Ждану сбить боль свою, а как... Моргач на глаза попался. И дерзость с решимостью всколыхнулись, выучится он воинскому мастерству, не за тем и он, и семья его претерпели горести, чтоб побитым быть.

Если бы сейчас увидела Мирослава сына, то узнала бы в нём молодого Собимысла, уверенность в осанке и решительный взгляд, ранее не часто проявлялись у Ждана и она бывало сожалела, что мальчик перенял больше её черт, чем отцовских.

Спина гусяра опиралась о ствол дуба, а глаза следили за тающими облачками. Нельзя сказать, что его терзали сомнения, но всё же... Верно ли поступил, свернув с пути Велеса, покровителя певцов и сказителей, перешёл под могучую руку Перуна, заступника воинов? В раздумье отошёл от дерева, нагнулся к своей суме, достал гусли, тронул струны. Мелодичный звон разлился по округе, и люди встрепенулись. Яромудр уселся на бревно, а вокруг него уже кружком новобранцы с охотой ожидают, что скажет, да и дружинники поглядывают, не прочь послушать.

Вновь зазвенели струны, но теперь величаво, протяжно. «Куда други, путь мы держим? Куда направили стопы? Доля наша тайная и каждый ищет свою, – задумчивость на лице гусяра сменилась решимостью, а струны запели резче и в то же время торжественно, голос Яромудра искренне и доверительно вещал. – Ведут нас мужи-дружинники многоопытные, да не токмо они. Боги указуют. Ведут к битвам. Да извилиста наша дорога к славе воинской. Страх душу тревожит. Раняя смерть страшит. Но разве единожды живём на белом свете? Вновь и вновь родимся мы! А случится умереть, станут души в ряды вечного воинства Перунова! Встретит Перуница³², напоит Живой водой. Наши бессмертные души в Нави³³ соединятся с пращурами-небожителями. Смерть в бою не страшна, а красна и славна, потому акы вой, встав на Стезю Перуна идёт по Стезе Прави³⁴, чтоб помощь принести тем, кто остался

³² Перуница – супруга Перуна

³³ Навь – мир духовный, посмертный.

³⁴ Правь – Правило, Звёздный закон.

в Яви³⁵. Други, став воями, станем защитниками родичам на земле и на небе на веки вечные...»

Молча внимали Яромудру. Дружинники, хоть и христиане, а довольны словами сказителя, преисполненные важностью своего земного и посмертного пути одобрительно кивали. Новобранцы приободрились, напомнил гуслар, что не только за себя радеть теперь должны, а весь род не осрамить, и славу приумножить, и доля каждого сражаться за правду славянскую и в Яви, и в Нави.

II

Три недели назад здесь на высоком берегу реки ветер лишь теребил луговые травы, шуршал листвой светлых рощиц. А ныне стуки топоров и людские голоса заглушили стрёкот кузнечиков и трели птиц. Крепкая бревенчатая стена споро растёт, перед ней копают ров, а землю трамбуют, образуя вал – первую преграду на пути строящейся крепости. Теперь новобранцам не до скуки, тоски и печали. Встают до света, ложатся затемно, кроме дозорных, что всматриваются во мрак степи, будущее воинство быстро засыпает, утомлённое работой и учебными боями.

Соорудили несколько небольших кузниц, по сути, они являлись железоплавильнями. Сперва местность разведали на наличие руды. Воевода Черныш не только ловок в воинском деле, умён он и смекалист в обустройстве оборонной крепости. Не зря он собирал разный люд, кто во что горазд. Ведь в первую очередь надо надеяться на себя, а не на князя. Это они ему подмога.

В окрестных болотах обнаружили железную руду. Хорошая, жирная руда. Добрила радовался, с такой работа пойдёт, лишь водой смыть песок, да и в печь. Добрила сам мастерила плавильню, шивал из шкур меха, лепил из глины печь и трубу. Помощником у

него стал Яромудр, а потом напросился чудинин, кузнец немало перевидал их на торжищах в Новгороде, да и на службу княжескую среди них охотники нашлись. Уважал он людей племени чудь за терпение и трудолюбие и этот молодец оказался сноровистым. Яромудр иногда донимал друга бесчисленными вопросами, что тот даже срывался и бросал в ответ: «За день коваль не рождается». Тогда Яромудр умолкал, понимая, что мешает, но потом любознательность снова свербила. Сколько тонкостей надо знать и уметь, чтоб сделать простой гвоздь, а уж меч... Впрочем это для Добрилы ковать гвозди и скобы легче лёгкого, а для Яромудра – тайна тайн, а вот чудинин схватывал быстрее. Яромудр не мог уразуметь, как различить почти неуловимые оттенки окалины, чтобы понять, как нагрелся металл, ведь и недогрев, и перегрев сулит изделию плохое качество. Всё здесь, любая мелочь имела важное значение.

Черныш определил сменных рудокопов и возниц. Сани каждый день привозили с болота кучи руды. Кузни построили ближе к реке и отныне она станет снабжать водой жителей крепости.

Бывало и раньше, до отъезда Яромудр заглядывал к кузнецу в родном городище и с восхищением наблюдал, как тот с помощником орудует в полутёмном помещении, где лишь отсветы от печи, да искры летят от красного жаркого железного прута или полоски, по которой коваль размеренно бьёт молотом. Теперь же он сам на месте помощника и держит со страхом и трепетом раскалённый стержень, будто пробрался туда, куда ему путь всегда был закрыт, будто подглядывает и подслушивает за волшебником, чей дар и чьи заговоры недоступны, как он ни пытается в них вникнуть. И казалось ему, вот так же и всемогущий бог выковывает только ему ведомое и от этой великой тайны мироздания также оглушительно

³⁵ Явь – мир явленный.

громыхает, а потом разлетаются, пронзая пространство искры-молнии. Какой же величины тогда сам Великий Кузнец? Наверняка может без усилий перешагнуть через лодьи в полноводном русле реки с одного берега на другой.

От этих мыслей и образов Яромудр забылся, руки шевельнулись, и щипцы, что держали заготовку дрогнули. Добрила чуть не промахнулся, чуть не ударил мимо того места, куда рассчитывал. Вовремя остановился, опыт и интуиция помогли, а то бы испортил будущий топор.

От кузниц, что расположились по окраинам, к центру будущей крепости вели уже утоптаные дорожки. От ворот, где пока только проём укладывают мостовую. Из леса на волокушах привозят сосны и ели. Светозар среди плотников, перенимает их ремесло, учиться толстый ствол рубить вдоль длины. Ждан подготавливает брёвна, отсекает суки и ветки. Потом эти брёвна-лаги укладывают на выровненную землю вдоль дороги по три, по краям и в середине между ними, но не рядом, а примерно на полтора шага друг от друга. А уж на них поперечные плахи из брёвен, диаметром приблизительно в локоть. Предварительно в полукруглой части плах вырубают выемку, после чего, подгоняя насаживают на лаги. Плоские стороны плах будут служить мостовой, ширина её должна быть такой, чтобы сани, которые поедут по дороге в противоположные стороны, разъехались.

Другие новобранцы, кроме тех, что строят стены, копают ров и утрамбовывают вал. На постройку стен уходит много деревьев. И в лесу и в нарождающейся крепости беспрестанный стук топоров заглушил птичьи переклички. Толщина стены не равна толщине бревна, пусть даже и самого объёмного. Брёвна располагали горизонтально в два параллельных ряда на расстоянии не меньше шага. В промежутки засыпали более тонкие брёвнышки. В результате крепостная стена росла мощной, пробить такую печенегам не легко. В местах, где, по мнению воеводы, удобнее наблюдать за появлением или передвижением кочевников в стене ставили крепкие срубы сторожевых вышек.

Крепость строилась на высоком берегу полноводной и судоходной реки Сула. Так, как возвышенность не лишена подземных вод, вырыли глубокий колодец. А во время дождей, чтобы не затопливало мостовую, вкопали в землю несколько больших бочек и маленьких срубов-колодцев, прикрыли их берестой и брёвнами, и в них врезали деревянные трубы. Просочившаяся вода накапливалась там и стекала в реку.

В крепости строили дома для дружинников и будущих воинов, конюшни, хлев для скота, обустроивали места хранения орудий труда и оружия. Работа кипела, люди вставали до восхода и ложились после захода солнца. Засыпали быстро, лишь горстка бодрствовала, вглядываясь в окружающую тьму. Густой сосновый и еловый запах исходил от построек, силуэты которые вырисовывались в слабом свете костров.

III

Сиреневая дымка на горизонте с каждым мигом густела. Ждан пристально всматривается в даль. Не видать чёрных точек, а ведь несколько дней назад их приметили, да слава богам те скрылись из вида, но раз появились, надо ждать прихода, у печенегов давно уж настала пора менять стойбища. А тут луга заливные сочными травами, да пёстрыми цветами благоухают. Жёлтые лоскуты одуванчиков сменяются лилово-голубоватыми островками мышиного горошка, окружают их луговые злаки, в которых набухают нежные метёлки.

Ждан медленно шагает по обструганным брёвнам крепостной стены, выглядывает в бойницы, задерживается на вышках. Смотрит в одну сторону – за рекой луг, дальше заболоченная низина, между зарослями рогоза и камыша лужицы синевы. Всюду группки ив, пирамидальных тополей, клёнов, реже дубов и берёз. Среди них кусты орешника и малины. Чем дальше к горизонту, тем деревьев меньше и за горизонтом скрывается необъятное поле

трав. С другой стороны крепости земля проваливается оврагами, утопает в лесной чаще, где убавилось валежника, а прибавилось свежих пней.

Ждан свесился в узкое окошко в вышке, наблюдает, как внизу возле стены укладывают в три ряда в определённом порядке короткие брёвна, закрепляя их столбами. Эти ряды тянутся вдоль длины стен, самый ближний поднимается, примерно на одну четверть их высоты. Второй ряд ниже предыдущего на одну треть, а последний на столько же меньше среднего. Юноша удивлялся, до чего мудрен способ обороны. Перед своеобразными бревенчатыми ступенями начали рыть землю и сыпать её на них, таким образом, на подступах к стене образовывался ров и земляной склон, где нападающие будут хорошо просматриваться с крепостных стен и тем более с вышек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.